„ХРИСТИАНИН“

ДЛЯ ВСЕХ ИЩУЩИХ ИСТИНУ И ЛЮБЯЩИХ ГОСПОДА

ОРГАН ВСЕСОЮЗНОГО СОВЕТА ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН.

№ 10	1927 год	№ 10

ВРЕМЯ ПРОБУДИТЬСЯ.

„Наступил уже час пробудиться нам от сна“.
Римл. 13, 11.

Братья! Время пробудиться,
Ждет Господь от нас плода—
Час пришел начать трудиться
Бодро, радостно, всегда.

Сколько под небесным кровом
Незасеянных полей!
Надо их засеять словом
Благодатных рыбарей.

Сколько душ, плывущих в море
Без ветрила и руля!
В лицах их лютое горе,
Нужно их спасти, друзья!

Сколько душ больных, недужных!
Надо им нести бальзам;
И путем усилий дружных
Привести к святым трудам.

Время, время пробудиться,
Взять Христовы бремена,
Их нести, с мольбой трудиться
И будить других от сна *).

И. С. П.

*) Из сборника „Песни первых христиан“.

ГОСПОДЬ ИИСУС В ЧАС ИСПЫТАНИЯ.

Ч. Спёрджен.

„Проходя долиною плача, они открывают в ней источники, и дождь покрывает ее благословением".—Пс. 83, 7.

Паломничество с целью поклонения известной святыне составляет, повидимому, существенную часть большинства религий. Так—мы знаем, что все сыны израилевы ежегодно ходили в Иерусалим, чтобы принести Господу Богу их жертву на жертвеннике Иерусалимского храма. Ученикам Брамы вменено в обязанность—совершать длинные и тяжелые паломничества к храму Джёджернаутскому, или к мелям священной реки Ганга. Магометане должны поклоняться своему священному камню, и всякий правоверный поклонник Магомета обязательно совершает хоть раз в жизни паломничество в Мекку, чтобы там помолиться пророку. А сколько христиан считают священным своим долгом посетить гроб Господень, несмотря на все трудности этого длинного путешествия!

Но истинная религия,—откровение нашего Всеблагого Отца—не требует этого от человека. Она ему не предписывает никакого паломничества на земле. Она идет дальше этих земных ограничений, утверждая, что Бог—Дух Вездесущий, и, как Духу, поклоняться Ему следует „в духе и истине". Но, вместе с тем, „паломничество" вообще—является одной из главных **идей** в христианском веровании: в переносном, в мистическом смысле—всякий христианин есть „странник". Покоя для него на земле не уготовано, он гражданин **не** земли. Здесь у него нет постоянного града. Он держит путь к цели, невидимой глазу смертного, но которой достигли уже многие **до** него. Итти вперед—вот на что должны быть обращены все его усилия. Коротко время земной его жизни, и, совершая тут свое поприще, он остается „странником" в полном и самом верном смысле этого слова.

Вдумчивый христианин бодро идет по следам, проложенным теми, кто раньше него шел этим же самым путем, окропленным Кровию Христа. Таким образом проходимое христианином поприще представляет собою нечто в духовном отношении весьма интересное.

На том пути спасения, который ведет его в небо, попадается христианину много чудных, прекрасных мест, таких мест, о которых святые, раз побывав там, постоянно с радостным чувством вспоминают, и где они жаждут снова побывать. Но есть и места мрачные, о которых мы вспоминать не любим; есть долины „смертной тени", полные страхов и опасностей... И **всем** нам суждено проходить **все** эти места—как светлые, так и мрачные. Их нам не миновать.

Но—надо помнить, что в пути мы—не одни. По безмерной благости своей—Небесный наш Друг, Господь Иисус, сопровождает нас, и утешает нас в периоды мрачной скорби.

Что такое—та „долина плача", о которой говорит псалмопевец, долина „Бака"—по еврейски, где странники с трудом „открывают источники", и где их небо „напояет" дождем?

I. Согласно лучшим историческим исследованиям—долина „Смертной тени" или „Бака" представляла из себя ущелье, по которому необходимо было проходить части богомольцев-израильтян, чтобы попасть в Иерусалим. Во время засухи место это было особенно страшным,

в смысле недостатка воды: там не было ни источников, ни реки; выкопано было только несколько водоемов, чтобы собирать дождевую воду.

Псалмопевец упоминает об этом месте, главным образом, из-за его названия: „Долина Бака“ в подлиннике означает „Долина Слез“; в переводе 70-ти толковников стоит: „Долина Плача“. „Проходя Долиною Плача, они открывают в ней источники“.

По долине этой приходилось тогда людям проходить часто: путь к Сиону шел через мрак... В переносном смысле это правильно тоже по отношению к нам. Только некоторые из избранных детей Божиих сразу переносятся в славу, минуя страшный переход... Большинство же из нас могут достигнуть светлого нашего „Сиона“ лишь после того, как пройдут мрак страшной „долины“. И не раз в течение жизни приходится каждому из нас побывать в этой „долине“! Сколько дней жизни—столько же и дней разочарований, огорчений, утрат... Но ведь всеми этими „скорбями“ и надлежит нам „войти в Царство Небесное“!..

Жизнь некоторых людей можно сравнить со „свитком“ пророка Иезекииля, который внутри и снаружи исписан был словами „плач, и стон, и горе“. Были и у них редкие радости—но даже всякое воспоминание об этих радостях ими уже утрачено... Они уже давно—„чада скорби“, давно жизнь их, как полынью, приправлена горькими слезами. Точно туман закрывает от них всякий свет и всякую радость!..

Многообразны причины скорбей человеческих, многообразны и сами скорби! И во-первых—пусть никто не воображает, что несчастие, которое его постигло, тяжелее всего того, что испытывают другие.

А затем—надо еще всегда помнить, что через эту „долину плача“ некогда прошел и Сам Царь Царей,—„Муж скорбей, и изведавший болезни“...

Благодарение Богу за то, что **не весь** наш жизненный путь проходит через мрачную долину горя: ведь много встречаем мы и светлых пространств! И тогда душа, как жаворонок, возносится к небу, воспевая гимн хвалы перед престолом Божиим. Но жизни совсем **без** горя представить себе нельзя, и христианин, который в эту минуту спокойно и радостно наслаждается счастьем—тоже прошел в свое время „долину плача“, и может быть, еще недавно, один в своей комнате, стонал, как Иов: „О, если бы положили на весы страдание мое!“ (Иов. 6, 2). Или восклицал, как Иеремия: „Он пресытил меня горечью, напоил меня полынью...“ (Пл. 3, 15).

Моменты ликования и духовного восторга сменились и у Давида моментами уныния, когда он со слезами взывал к Господу о помощи...

Тяжела, неприятна „долина“ эта для нашей плоти и крови! Нам бы лучше хотелось подниматься на горы, где легкий воздух напоен ароматами и пронизан солнечным светом... В „долине“—темно и сыро. Испытания—не радость!.. Добровольно никто в эту долину не войдет... Но надо заметить, что есть такие дети Божии, которые **и там,** во мраке и холоде, умеют радоваться!..

Окинем еще раз мысленно взглядом эту „долину“, и разберем, **почему** именно так труден переход через нее тем странникам, которые идут „во святой град“.

В долине этой **нет „источников“ воды живой,** а вырытые рукою человека водоемы,—земные наши радости,—высыхают один за другим.

Палящий ветер уносит всякую свежесть, и томимая духовным голодом душа наша—замирает в нас. Освежающие плоды не растут в долине этой. А между тем ведь и тут получают путники милости и поддержку... Откуда? Только свыше, так как ничто окружающее этой поддержки оказать не может.

Почва в долине этой неровная и жесткая, покрытая острыми камнями... Правда, есть много „работников", которые стараются сгладить дорогу, удалить заграждающие путь камни, и как можно удобнее провести путника по этой долине. Но, несмотря на их помощь,—дорога, все-таки, очень трудна, особенно для слабых и невыносливых.

В „долине" мало **света,** потому что лежит она гораздо ниже окружающего ее уровня земли, и сжата с обеих сторон высокими „горами"—горами греха. Они поднимаются так высоко, что заслоняют от нас свет солнечный. Наша виновность перед Богом заслоняет от нас светлый лик Его, и мы смущаемся... Этот мрак—одна из главных причин, почему? путь здесь так труден.

Человек, идя по этой долине, может впасть в уныние еще и потому, что он не знает—долго ли придется ему итти по ней? В конце долины—мрачная река смерти, а на том берегу ее—желанный „небесный град"; но все скрыто пока мраком. Человек ничего впереди не видит...

Еще чем отличается эта „долина плача"? Она **полна нечистых духов...** Нечистые эти духи—это наши греховные побуждения, нечистые мысли... Как разбойники в засаде—поджидают они нас в самых трудных, самых узких местах долины...

Но—удивительное дело!—несмотря на все то тяжелое и мрачное, что делает таким трудным путь по „долине плача"—**воздух** в ней отличается особенно **целебными свойствами.** Нигде, ни в каком другом месте владений Царя, кроме Его „чертогов славы"—нет воздуха „здоровее" этого. Потому что этот воздух несется от „моря огорчений", и обладает особенно целительной силой для больных душою и слабых христиан.

Отсутствие огорчений, непрерывное довольство—расслабляет человека, как слишком жаркий и влажный климат; холодные же ветры и непогода закаляют нас, постепенно делают нас неуязвимыми. При неизменном жизненном успехе мы становимся неблагодарными, забываем—кому мы этими успехами обязаны.

Затем: по неровной дороге мы **идем осторожнее,** и потому—менее рискуем споткнуться. Лучше итти по неровным скалам, чем по скользкому льду.

Мы „выдыхаемся" в духовном отношении скорее, когда живем в счастьи, чем когда проходим „долиною плача". Лишь немногие христиане теряют веру, когда их постигают тяжелые испытания: большинство из них только укрепляются в вере. Впасть в грех легче всего тогда, когда жизнь складывается удобно и легко.

В виду всего этого, пребывание в „долине плача"—полезно для нас. Со дна глубокого колодца звезды видны даже и днем, а стоя на вершине горы, мы их не видим тогда. Так—в несчастьях узнается многое такое, что ускользает от внимания человека счастливого. Огорчения для нас необходимы, как зима—деревьям, чтобы мы могли запастись новыми силами,—как новыми соками, потребными для будущего цвета и плода. Скорбь так же необходима для души, как лекарство для тела.

Только стезя страдания ведет в ту страну, где страданий не будет!

Много странников на путях мирских получили великую пользу от прохождения „долиною плача". Они открывали в ней золотые россыпи, и сокровища эти сверкали перед ними, несмотря на то, что вокруг было мало света: это—те **благословения,** которые в самых страданиях получает от Бога человек... И выходят люди из „долины плача" с обновленной душой, исцеленные от всех своих духовных болезней.

II. „Проходя долиною плача, они **открывают** в ней источники". В подлиннике стоит: „создают". На востоке, если пастухи, кочующие с места на место со своими стадами, не находят воды,—они сами вырывают колодцы, иногда очень глубокие. Так некогда поступил Исаак; то же самое делали и судьи для народа в пустыне...

Конечно: если нас мучит жажда, а источника нет—надо самим рыть, глубоко, до тех пор, пока не достанем воды. В переводе Кальвина это место псалма 83 значится так: „Проходя долиною плача выкапывают в ней источники" (или колодцы)...

На какие же мысли наводят нас все эти выражения: „открывают", „выкапывают", „создают"—источники, проходя долиною плача?

1. Первое, что нам тут делается ясным, это то, что **и среди глубочайшей скорби мы можем получить утешение.** Часто нам бывает так тяжело, что кажется—просвета нет! Мы,—как Агарь в пустыне, которая перестала надеяться, и только ждала смерти себе и сыну... Но даже в такие отчаянные минуты — есть выход, т. е. есть, по крайней мере, утешение: чтобы утолить „жажду" — надо „поискать колодца".

Пусть никто не говорит: „Дело мое безнадежно!" Пусть никто не думает: „Я—в долине плача, и никогда не увидать мне радости".

Всегда надейся, человек! Есть „вода живая", которая способна утолить жажду души твоей! Нет такого положения, в котором Всемогущий не мог бы помочь нам. У Бога служителей везде много, везде Бог может создать их, хотя нам и кажется, что их в этом месте нет, и быть не может. Много есть „сокровищ, сокрытых в песке" (Втор. 33, 19), и избранные Божии всегда могут найти их.

Из-за тумана и туч нам часто не бывает видно гор. Но, скрытые от нашего взора, они, тем не менее, существуют. Так и в трудные минуты жизни—вера в Промысл Божий точно исчезает в нас, тяжелые обстоятельства точно заслоняют от нас Божии обетования... Но ведь они существуют! А значит—есть и надежда, которая исполнится. Поэтому—да не унывает сердце наше и не смущается!

2. Затем: выражения эти указывают нам на то, что **утешение должно быть добыто трудом,** что мы должны сами приложить усилия к тому, чтобы их получить. Действительно: много бед в жизни христианина происходят от **его бездействия.** Колодезь вырыть—трудно, но лучше потрудиться, чем умирать от жажды... Рука коченеет, когда долго остается в бездействии... Если мы хотим получить духовные блага, надо пользоваться всеми средствами, указанными в Свящ. Писании: молитвы—общая и частная, чтение Библии, общение со святыми—все это оживляет душу, „выкапывает источники" живой воды. Не лениться копать! Попадется на пути твердая каменная порода—надо „взорвать" ее, и итти дальше, пока не дороемся до „воды". В этом наш долг. И великая милость Божия в том, что, **копая,** мы **непременно** найдем воду.

3. А третье, что мы можем понять из этих слов о „выкапываемых источниках", это—что утешение, которое получает человек, часто служит отрадою не только ему одному, но и другим. Так—колодцы, выры-

тые человеком некогда для себя лично,—потом в продолжение десятков и сотен лет служат множеству людей...

Многие произведения писателей, поэтов, музыкантов—были написаны ими в минуты глубокой скорби и душевных потрясений; нам же они служат источниками самого чистого утешения. Яркий пример—Псалмы Давида, в которых он изливал горе свое, и которые нам дают столько утешения.

III. ...„они открывают в ней источники и **дождь покрывает ее благословением“...** Вот что тут надо отметить: нашу духовную нужду восполняет **небесная помощь.** Господь с неба посылает тот „дождь“, который питает подземные источники и колодцы, вырытые людьми.

Действительно: мы работаем, мы употребляем данные нам Богом средства,—но благословляет нашу работу и дает ей успех—Бог Один. „Дождь покрывает ее благословением“...

Мы являемся, таким образом, лишь исполнителями возложенного на нас долга, только как бы „хранителями“ небесного утешения, а не „создателями“ его. Всякие наши, даже хорошие, дела,—без благословения Божия—ничто; они—как тучи, не проливающие дождя.

„Все источники мои в Тебе“—это постоянно ясно чувствует христианин.

Я несколько отошел от главной цели моей сегодняшней беседы: выяснить, **как поступает Иисус Христос с искупленными Им людьми—в час их скорби.** Отвлечься меня заставила интересная образность выражений в этом стихе 7-м, и хотелось их разобрать.

Но посмотрим: как же, действительно, относится Христос к людям, которые находятся в горе?

Ответ на это может дать нам духовный опыт множества людей. Они испытали на себе, что Иисус Христос—не только Друг наш в дни благосостояния: Он любит нас во всякое время и особенно близко подходит к нам тогда, когда мы страдаем.

Когда умножаются скорби наши—умножаются и утешения. Он совершает это, самым различным образом проявляя любовь Свою к нам.

1. Во-первых, **Он являет Сам Себя человеку.** Скорбь, как завеса, отделяет страдающего от окружающего мира; но, одновременно с этим, Христос отнимает ту завесу, которая отделяет Его Самого от этого человека. И тогда скорбное сердце начинает ясно ощущать Его близость, и вот в этом—великая **польза** скорби, и та **радость,** которую во время самого тяжелого горя может испытывать христианин. Кто хочет увидать особенно яркое сверкание звезд, тот должен пожить в холодных, покрытых снегом, местах; так, кто хочет познать всю полноту Христа,—светлой Звезды Утренней, — должен пройти через лютую стужу скорбей и невзгод. Страдания часто бывают той „рукою“, которою Бог покрывает человека, чтобы он, подобно Моисею, мог увидать „славу Его“...

Конечно, и пользуясь благодеяниями Божиими, человек тоже может испытывать радость ощущения близости к Богу. Но и скорби часто бывают той „горой Нево“, с которой Господь показывает нам нашу „землю Обетованную“.

Один, преследуемый за веру, мученик, говорил: „Враги наши радуются, что нам приходится скрываться в лесах и болотах... Но если бы кто знал, какое чувство счастия испытывал я иногда во время этих скитаний! Черной непроглядной ночью, где-нибудь в непроходимой чаще, мне случалось переживать приливы настоящей огромной радости. Один-

на-один с Богом—я чувствовал себя членом всей небесной семьи. Всякая звезда напоминала мне, как славен должен быть Тот, Кто есть—Солнце Правды, от Которого все прекрасное и высокое заимствует свет свой"...

Подобные свидетельства можем мы слышать из уст бесчисленного множества христиан, которых Бог посетил страданиями. Они подтверждают общее правило Царства: „Будешь ли переходить через воды, Я с тобою"...

В дни безмятежные—христианин подобен Марии, которая спокойно сидит у ног Иисуса, слушая речи Его... В дни же горя—он, как Иоанн, прижимается к груди Христа, и тогда Христос дает ему пить из чаши спасения, чтобы заглушить горький вкус страдания. Никогда не ощущаем мы так сильно милосердие Христа, как в наши „облачные и мрачные" дни. Когда мы на одре болезни, или в темнице, или в нищете—тогда душа получает особенно много откровений от Бога.

Помните — как пророк Аввакум: страдания его достигли высшей меры, душа его „вострепетала", все тело его изнемогло, земля точно „заколебалась" под ним... Вся надежда земная, всякое утешение исчезло для него... Но и тогда он „радовался о Господе" и „веселился о Боге спасения" его (Авв. 3, 16—19).

Никому не открывается в такой мере любовь Христа, как тем, кто пребывает в „долине слез". Там видят они такие чудеса! Там открываются им такие тайны! Они устами прикасаются к тому, что другие видят только издали, о чем могут только мечтать.

Великое это счастье—познать Христа в минуту страдания, потому что тогда находим мы в Нем истинного своего Спасителя.

2. Далее: когда человек в горе, то Христос не только являет Себя ему, но Он и **посещает его в это время чаще,** чем в минуты радости. Как мать не сводит глаз с больного ребенка, так и Господь **постоянно** со скорбящим, и тоже делает все, чтобы облегчить ему его страдания. Он дает ему исключительные радости, и они так многочисленны, что человеку бывает даже трудно удержать их в памяти...

Блажен человек, который сознаёт, что сколько Бог посылает ему страданий—столько проявляет и любви!

„С нами Бог!"—так поют **не ликующие,** не счастливые люди, а те, которые во время житейской бури **чувствуют над собою крепкую руку Божию**.

Нет сомнения, что псалмопевец Давид сражался с злейшими демонами, чем мы: не имей он великих испытаний, не получил бы он и стольких откровений и утешений, и не сложил бы своих вдохновенных песен и молитв. Будем же и мы, как Давид, как умеем петь Богу нашему, прославляя Его за скорби, которые приближают Его к нам.

Огорчения наши — это точно колесницы, на которых Господь спешит на помощь чадам Своим. Мы благословляем тень, которая возвещает нам о приближении Его к нам!

3. Затем: когда страдающий человек ощущает на себе любовь Божию, то это ощущение **усиливает его веру и прибавляет ему духовного опыта.** Христос всегда чувствует всех членов Своего духовного Тела, все их страдания близки Ему; Он знает всю немощь нашу. И это мы особенно способны бываем оценить тогда, когда, благодатию Духа Святого, познаем в минуту невзгоды, как может утешить нас Господь. Убеждение в том, что Он не остается безучастным к нашим страданиям, и не покидает нас в горе—дает дивный покой усталой душе.

Страдания наши тянутся без конца... Мы терпим от холодности людской, от несочувствия, непонимания... Наше доброе имя поносят, усердие не ценят; оскорбляют нас незаслуженно... Великое облегчение дает нам тогда уверенность, что Господь,—вот сейчас, в эту минуту,—видит все это, видит и душу нашу, и сочувствует нам. Он ведь Сам так тяжко страдал, и так незаслуженно!..

Если только Христос с нами—мы с улыбкой встречаем своих врагов, и равнодушно относимся как к обидам, так и к похвалам.

Мы живем и трудимся **для Христа,** и достаточно, что **Он** нас видит и понимает. И награды от людей мы не ждем: Он Сам—награда наша. Он сочувствует нам—как Человек, помогает нам—как Бог. Он снисходит ко всем нашим недостаткам и слабостям, и любит нас так, как не может любить ни один друг на земле.

Рассказывают про одного древнего оратора в Греции, который произнес блестящую речь не перед множеством народа, а перед одним только философом Платоном, находя, что один мудрец сто́ит целой аудитории...

Не будем же мы искать другой поддержки в горе, как только в Иисусе Христе! Он так чудесно утешает нас, давая нам почувствовать Свою близость, и открывая нам Свою любовь! Все бури сердца утихают от одного Его властного слова!

4. Огорченные души способны **особенно живо воспринимать Слово Божие,** и выносить **особенное назидание** из размышлений о нем.

Часто переживаемые нами испытания как бы открывают нам глаза. Они — точно перст Христа, который своим прикосновением дает нам прозреть. В минуты горя — сердце христианина точно расширяется, и становится особенно способным к восприятию благодати Божией. Дух Святой с особенной силой открывает тогда человеку обетования Божии и великий их смысл... Кто не поражался той великой мудростью, которою отличались испытанные многими страданиями святые? Самые зрелые ученики Христа,—это те, которые прошли тяжелую школу всяких испытаний и скорбей.

Лучшее понятие о Боге получаем мы не из книг, а из жизни, полной борьбы и страданий. **„Молитва**—первая книга в моей библиотеке", говорит один проповедник. И он мог бы еще прибавить: „А **скорбь** занимает в ней второе место"... Болезнь—самый лучший врач для души. Наши испытания лучше всего толкуют нам смысл Свящ. Писания. Это такое бесценное доказательство любви Божией к человеку, что мы должны желать как можно чаще видеть его.

В самых жгучих наших скорбях можем мы увидеть и премудрость Божию, и нежность Его к нам. Потому что ведь Он допускает, что мы испытываем теперь краткое страдание, из которого впоследствии проистечет великая польза душе нашей. Это подобно тому, как если бы Он вынимал у нас из кошелька небольшую сумму, чтобы потом возвратить ее с большими процентами.

5. Бывает, что душа человека **не чувствует и не сознает** присутствия Господа Иисуса; но, тем не менее, Он поддерживает ее тайной, сокровенной силой, которую сообщает духу его. Хотя человек не ощущает близости Христа, но Он—тут, рядом. Надо помнить, что Бог—есть любовь; Он—**всегда** любит избранных Своих. Пусть мы этого в данную минуту и не видим, пусть нам кажется, что Он как бы оставил нас... Но Он поддерживает нас все-таки: то **терпение,** которое проявляем мы в тяжелые минуты, когда будто бы и Христос отдалился от

нас—это терпение служит верным признаком Его действительного, хотя и незримого, присутствия.

Слепой не видит пищи, которую ест, но он ею, все-таки, насыщается. Так, когда вследствие крайней ограниченности нашего духовного зрения, мы не ощущаем присутствия Спасителя—благодать Его тем не менее поддерживает нас, и питает нас во время голода.

Жажда живого общения с Богом, борьба души с сомнениями и страхами и неудержимое стремление всего существа к Богу живому—служит несомненным доказательством работы Господа Иисуса в сердце нашем, хотя бы глаз веры нашей и не видел Его в данную минуту. В том-то и счастье, что Христос оказывает поддержку изнемогающему человеку даже в те минуты, когда человек этот горько оплакивает отсутствие Христа! Один проповедник писал: „Бывает, что человек и не отдает себе отчета в том, что Господь в эту минуту—с ним... Человек **не видит** Его милости. А между тем—Господь изливает на него Свою благодать, непрерывно действует на его душу, подкрепляя ее, поддерживая, заставляя ее повиноваться Богу... Восклицание Христа: „Боже Мой, Боже Мой, отчего Ты Меня оставил?“ показывает, что в эту минуту дух Христа был лишен присутствия Божия, подобно тому, как во время затмения земля лишается света солнечного... Но и не **ощущая** Бога—Иисус Христос, тем не менее, совершил в тот момент величайшее из всего, Им совершенного — Он был послушен Отцу даже до смерти. И силу для этого получил Он свыше!

В старину богословы говорили: „Благодать может пребывать в твоем сердце, и действовать—помимо тебя самого“. Будем же благодарить Господа нашего за невидимые благословения Его, будем любить Его за те дары, которые получаем мы от Него незаметно для нас самих.

6. После долгого периода уныния—Господь часто совершенно неожиданно **посылает нам утешение и счастье.**

Бывает, что самая сущность или причина скорби лишает нас возможности находить утешение в любви Христа; в таком случае—благодать Его обнаруживается тогда, когда мы духовно выздоравливаем.

Если в „темнице“ не видим мы Христа,—то встретим Его при выходе из нее, когда Он „сокрушит врата медные, сломает оковы железные“, и когда спадут с нас цепи рабства...

Один христианин долго безмолвно страдал, и вот как описывает он избавление от пережитого им уныния и духовного мрака:

„Какую страшную борьбу выдержал я вчера!.. Но теперь я могу сказать: подвигом добрым я подвизался, веру сохранил... Господь вложил теперь новую песнь в уста мои—песнь хвалы... Как Авраам говорю я: Господь усмотрит (Быт. 22, 14). „Правым прилично славословить“ (Пс. 32, 1). Я стал ближе к Богу, чем когда бы то ни было прежде, лучше познал Его, больше славлю Его. Мысль о воплотившемся Боге приводит меня в невыразимое умиление. Я ощущаю этот факт как-то совершенно по-новому, каким-то новым благоговением наполняется сердце мое... Если б только я сумел достойно славить и восхвалять Господа!.. Но не хватает слов...

И поразительно спокойно чувствую я себя теперь, несмотря на то, что житейские затруднения и несчастия мои—не прекратились... Благодарю Бога, что Он дал мне познать милосердие Его, пока еще разум мой не угас!“

Когда солнце скроется за тучи, а потом появится вновь—нам кажется, что оно светит ярче обыкновенного...

Пусть простят меня читатели за то, что я хочу рассказать здесь о собственных моих переживаниях, которые привели к тому, что я получил полную уверенность в любви Господа ко мне. Эта страница моей жизни останется мне навсегда памятной, и еще теперь, когда я все это вспоминаю, сердце мое полно горячей благодарности Богу за мое избавление. Не сочтите недостатком скромности или самомнением, что я хочу говорить о себе, и мои отвлеченные размышления прервать повествованием о том, как однажды Господь помог человеку... Не осудит Дух Святой это трепетное желание сердца моего—поделиться с вами, как с друзьями своими, тем счастием, которое я когда-то испытал!..

Была одна страшная ночь, когда большое число членов моей общины подверглось вооруженному нападению. Было множество раненых и даже убитых. Я долго, не слабея духом, всячески старался подкреплять колеблющихся и поддерживать мужественных; но, наконец, когда новые несчастья одно за другим стали обрушиваться на всех нас, когда на моих глазах мучились и гибли люди — скорбь моя достигла такой глубины, что я совсем упал духом. Ничто не могло меня утешить. Я плакал горькими слезами дни и ночи... Никогда не переживал я ничего подобного! Мои мысли путались, и если бы Господь не послал мне тогда облегчения—я сошел бы с ума...

Все люди мне стали чуждыми; я бежал от них и, как больной зверь — искал одиночества; я в оцепенении сидел целыми часами, без мыслей,—и уже без слез.

Раньше Библия была моей ежедневной пищей; теперь я даже не мог ее читать, как не мог и молиться. У меня было такое ощущение, что все, что я любил, все, на что надеялся—разбито вдребезги, и жить больше нечем. А тут прибавилось еще последнее: клевета на меня, и глубоко-оскорбительные несправедливые обвинения... Дальше итти уже было некуда. Худшего несчастья не могло со мной случиться, и я на некоторое время погрузился в самую глубину отчаяния. Все во мне как будто умерло...

Я сам, по временам оглядываясь на себя, приходил в ужас от своего состояния. Тогда я старался сосредоточить свои мысли на безмерной любви к нам Бога, явленной на Голгофе; усиливался думать о возвышенном характере прославленного Господа Иисуса... Но сознание мое совершенно не воспринимало всего этого... Я точно окаменел.

И вот совершенно неожиданно, сразу, точно молния, сверкнувшая с неба—душа моя вернулась ко мне... Что́ это было? Не знаю. Но внезапно какой-то удивительный покой вошел в меня... Мысли, помрачившие мой ум, исчезли... Точно прохладный ветер повеял на меня, точно спали с меня какие-то оковы, точно дверь темницы открылась...

Опять забилось сердце радостью—и дух мой, как на крыльях, вознесся в высоту небесную, к звездам, — выше звезд! Я **почувствовал Христа,** прильнул к Его ногам, — и рассеялись все страхи, и чудная светлая радость наполнила все мое существо.

Это произошло мгновенно. Я стоял тогда в саду, и раем показался мне этот сад!

Вот как благословенный наш Господь избавил меня от отчаяния. В одно мгновение ока Он снял с души моей ужасную мою тоску... Я стоял и молился, и сердце мое было полно ликования.

За все—слава Ему Одному! Ему—Брату в дни бедствий, Ему—Освободителю пленных, Целителю душ! Я был весь полон славословия.

Никогда, с самого дня своего обращения, я не ощущал такого блаженства, и не чувствовал так сильно всего совершенства Бога. Мне стало ясно, что ради Него легко перенести и клевету, и обвинения, и скорби... Я „препоясал чресла свои", чтобы свободнее следовать за колесницей Его, сопровождая Его восклицаниями радостной хвалы. Душа моя была поглощена одним сознанием: сознанием невыразимого, безмерного Его величия, и такого же безмерного Его сострадания к нам...

Поведав своим родным и близким о том, что́ сделал со мной Господь,—я снова начал проповедывать Слово Его. То дело, которое еще так недавно я и думать не мог — продолжать, теперь опять стало мне дорого, опять сделалось для меня источником утешения.

И когда я, после этого долгого перерыва, сказал мою первую проповедь—в ней отразилось все мое тогдашнее настроение. Я стоял точно перед судом Божиим. Темой я взял текст: „Посему и Бог превознес Его, и дал Ему имя выше всякого имени, дабы перед именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца" (Фил. 2, 9—11).

Решаюсь сообщить читателям несколько мыслей из моей проповеди в то незабвенное утро.

„У каждого человека всегда есть в душе и в уме одно что-нибудь, самое главное, к чему,—о чем бы человек ни думал, что бы ни делал,—мысли его постоянно возвращаются. Помните тот случай с Давидом, когда войско его одержало победу над войсками Авессалома, а гонцы прибежали сообщить об этом царю? Пока шло сражение, Давид вероятно передумал о многом. Его одинаково страшили и поражение, и успех... Но, когда явились гонцы, первое, что спросил Давид, было: „Благополучен ли отрок Авессалом?" Он даже не обратил внимание на весть о победе!

Так бывает и с каждым христианином. Для него главное—Христос и Его Царство. Когда колеблются престолы, падают царства, бушуют революции или свирепствуют войны—его занимает при всем этом только один вопрос: благополучно ли Царство Христово? И среди своих личных волнений, главное, что его заботит, это—будет ли Бог прославлен через него? Пусть он сам пострадает—только бы это могло приблизить Царство Христово...

Пусть подо мной лично колеблется почва,—только бы твердо стояла святыня храма Господня. Мысль, что Христос есть Скала неразрушимая, Которая во век не поколеблется, поддерживает меня во всех превратностях моей судьбы.

Я уверен, что многие из нас думают приблизительно так. Пусть мы страдаем—только бы восторжествовала правда Божия! И, вместе с тем, никогда не покидает нас радостное сознание, что независимо от того, что́ с нами происходит—**одно** уже во всяком случае совершилось: Бог возвеличил **Его,** Он дал **Ему** имя выше всякого имени, дабы перед именем **Иисуса** преклонилось всякое колено!"...

Вот что неизгладимо запало в мою душу—эта мысль о любви Христовой, являемой в избавительной благодати Его. Тот момент, когда истина эта пронзила мое сознание, является для меня самым знаменательным во всей моей духовной жизни, и это должно оправдать меня перед читателями в том, что я так долго говорил о себе.

7. Мы почти исчерпали разбираемый нами вопрос. Остается прибавить только одно: великое счастье, что Христос, даруя нам в минуту

скорби—радость в Себе, вместе с тем **совершенно изглаживает следы** постигших нас бедствий. Как мать забывает свои муки, когда родится у нее ребенок—так, когда открывается нам благость Господня, тогда стираются с души нашей все следы пережитого горя.

Так бывает и в природе: много дней пасмурной погоды... льет дождь из темных туч... и вдруг—выглянет солнце!.. Как все засверкает!.. Каждая капля воды на листьях и траве обращается в драгоценный камень.

В душе у нас тоже все радуется, когда проникнет в нее свет Христов, и так же быстро, как и в природе, исчезают в ней следы бури и слез.

Вслед за скорбями настают для нас и радости. За приливом—отлив! Это—сладкие плоды любви Христовой: через скорби наши Он так на нас действует, что кратковременные страдания, сменившиеся ожиданием вечной славы в Нем—не оставляют в нас горького следа.

Надо благословлять страдания, которые влекут за собою такие благие последствия,—благословлять Господа, совершающего это.

В прелестном стихотворении в прозе, Клэрк выразил эту мысль так: „Чем глубже мрак—тем светлее **факелы;** качество **винограда** узнается только в точиле; чтоб пряности начали благоухать,—их надо истолочь; от действия ветра молодые **деревья** лучше укореняются; чем тщательнее очищено **золото,** тем оно сильнее блестит...

Так и дети Божии: чем сильнее их испытание, тем больше торжество; чем глубже их скорбь, тем славнее победа; чем они ниже в глазах людей—тем выше в очах Божиих. Таким образом—**бедствия** являются для них проводниками **небесных благословений.**

Чем больше испытаний, тем меньше греха. Сокрытая в сердце благодать, как аромат в розе, сильнее чувствуется тогда, когда пламя огорчения согреет это сердце".

Пусть каждый читатель спросит себя: соответствует ли все вышесказанное—его собственному духовному опыту? Если—да, то пусть он говорит об этом тем, кого посещают скорби. Скажите им, что близок к ним теперь Господь—**именно теперь, когда они страдают;** что близок,—и силен утешить, облегчить, помочь.

И все мы—прославим Бога за скорби! Пусть благодарность наша, как и молитвы наши, непрестанно возносятся к Нему!

Но предположим, что у читателя—нет этого духовного опыта... Что в день бедствий он **не ощущал** верности Христа, и даже **утратил веру свою,** когда обрушились на него беды. В таком случае надо признать, что **вера его была плохая.** Все, что не может устоять перед переплавляющим огнем испытаний—не от Бога исходит.

Пусть исследует свое сердце человек: если обетования Божии не приносят ему утешения в минуты горя, если вера его не поддерживает его—то не обманывает ли он себя, думая, что верит? Очень можно усумниться в его вере!..

Интересно говорит об этом один проповедник: „Обетования Божии подобно одежде: если в теле есть теплота, одежды его согревают; если тело остыло—его не согреют одежды. Там, где есть живая вера, обетования Божии приносят теплое утешение; если веры нет, и сердце мертво,—обетования эти не будут иметь никакого действия, как лекарство, влитое в рот мертвому".

Сами по себе обетования не приносят утешения: это не так, как пламя, которое само по себе дает тепло. Если бы это было так, нам

достаточно было бы прикоснуться к ним мыслью, чтобы утешиться. Скорее обетования можно сравнить с огнем—в кремне: его надо силою удара еще **извлечь** оттуда. „Сила“ же эта—есть **вера** наша“.

Есть и другая причина того, почему христианин, которого постигло горе, иногда не находит утешения в обетованиях Божиих: возможно, что он **не придает должного значения своему общению с Господом.**

Возьмем пример: всякое тело, погруженное в воду, кажется легче; под водою нам бывает не трудно повернуть даже большие предметы. Но стоит их вытянуть из воды, как они становятся тяжелее. Так и со скорбями нашими: когда мы, находясь в тесном общении с Богом, погружаем наши скорби в глубину нашего доверия к Нему—они нам кажутся легкими; когда несем мы их—без Бога, они часто давят нас, как непосильное бремя.

Пусть же каждый исследует себя: **почему именно** так невыносимо тяжело ему бывает по временам? Почему не находит он утешения в обетованиях Божиих?.. Может быть потому, что он—**мертв,** и не способен ощутить теплоты утешений Божиих? А может быть—он **не ищет общения** с Богом?.. Надо непременно найти причину. „Разве малость для тебя утешения Божии? И это неизвестно тебе?“ (Иов. 15, 11).

Надо непременно сейчас же обратиться к Господу, умоляя Его послать нам благодать и жизнь. Пусть не погружается человек в безысходное горе, не стараясь найти утешения, — но утешения именно **в Боге,** а не в чем-нибудь другом. Не надо полагаться на собственные силы. Огонь в сердце своем мы должны зажечь непосредственно от огня Божественного.

Христианин! Утешение скорбям твоим можешь ты получить только от Того, к Кому уже обратился! Да поможет тебе Дух Святой!

К необращенному читателю.

Бедный грешник! Какая великая разница существует между вами и верующим человеком, и как обнаруживается она особенно во время испытаний! В минуту острого горя не обращаетесь вы к Богу за помощью; для вас не существует Его обетований и Его поддержки. Верующим скорби приносят благословения; вам—не дают ничего. Для него—и во мраке светит свет; для вас—все темно! Для его души горе бывает полезно; вас же оно только погружает в отчаяние, или озлобляет. Как невыносимо вам бывает, когда вы теряете близких своих или друзей, когда ваши надежды не сбываются, или радости блекнут! **В чем** можете вы найти поддержку, **где** возьмете силу перенести все это? Вы страдаете—но не освящаетесь страданиями этими!

Великое это несчастие—не иметь прибежища во время бури! Верующий человек может вынести целый ряд испытаний, когда сила Божия „препоясывает“ его; но вам, без поддержки Всевышнего, страшен всякий призрак и всякая невзгода.

Я молю Бога, чтобы вы приняли к сердцу мои слова: возложите на распятого Спасителя бремя грехов ваших; тогда получите вы право с дерзновением возложить на Него и скорби свои.

КРАСА НЕБЕС.

О, бездонное пространство,
Край небесной синевы!
Не могу отвлечь я взоров,
Не могу склонить главы:
Все любуюсь я тобой
В красоте твоей ночной.

Как отрадно возвышаться
Мне душой моей к тебе,
Оставляя мир греховный
Жить в его слепой борьбе —
За земные наслажденья,
За тревожные виденья...

Много радости и мира
Льют мне в сердце небеса:
И волнует ум пытливый
Их безмолвная краса,
В тишине немых ночей
И при звуках шумных дней.

О, возлюбленный Создатель!
Дивен Ты в Твоих делах!..
Лишь народ ожесточенный
Не признал в своих сердцах
Твоего существованья
И творений ликованья!..

Ф. Санин.

ДЕВЯТАЯ ЗАПОВЕДЬ БЛАЖЕНСТВА.

Кто видит жизнь в цветке, в былинке,
И слышит говор камыша,
В букашке зрит творенье Бога,—
в том есть душа.

Кто к бедному прийти считает
С посильной помощью—за честь,
И в каждом нищем видит брата,—
в том сердце есть!

Кто, блеск богатства презирая,
Лишь для других живет свой век,
Чуждаясь почести и славы,—
тот человек!

Ф. Шкулев.

ОДУВАНЧИК.

Ты знаком, читатель, с этим цветком? Он растет возле каждого дома в деревне. Простой, невзрачный цветок... Он никого не восхищает ароматом своим, еще менее — красотою своей. Скромный желтый цветок, и больше ничего.

Ты так часто, друг, жалуешься на свою неспособность к чему-либо великому или славному. Таких, как ты, много вокруг тебя! Ты жаждешь подвига, особого, выдающегося подвига, а вместо этого — жалкое, обыденное, серенькое существование... Не жизнь, а прозябание. С завистью в сердце ты смотришь на других, более одаренных, и ропщешь на свою скромную долю. Ты — лишь простой, невзрачный одуванчик...

* * *

Как-то я остановился у отцветшего одуванчика, и долго смотрел на его легкую головку, усеянную нежными пушинками. Мягкий ветерок производил свою работу: он отрывал одну пушинку за другой от скромного цветка, и уносил их вдаль. И я подумал: здесь совершается великое дело! Одуванчик **сеет** себя. Ветерок разносит его семена и — кто знает, где они пустят корни и начнут расти?..

Друг мой, ты выполняешь ответственное дело в этом мире! Ты сеешь, сеешь и сеешь. Влияние твое, как легкие пушинки, разносится повсюду. В каждом собрании, где ты бываешь, при всякой встрече с людьми—дома, на улице, на службе, повсюду — ты сеешь, распространяешь свое влияние. О, как велика ответственность твоя!

* * *

Но **что же** мы сеем? Мы сеем слова, мы сеем дела. А слова и дела наши — это содержимое нашего сердца (Матф. 12, 34—35). В сердце лежат те семена, которые ты разбрасываешь вокруг себя. Чем наполнено у тебя это сердце? Христос говорит о „семенах“ ужасных: Матф. 15, 19. Без Него — мы только и способны на такой посев. Жизнь с Ним — наполняет сердце **любовью.** И мы делаемся „одуванчиками“, рассеивающими любовь. Какая славная доля на нашей плачущей земле — быть **„одуванчиком“ любви**! Иисус был именно таким. Где бы Он ни находился, везде рассевал Он **семена любви.** Я вижу Его в мастерской Иосифа, и что же? Он „преуспевал... в любви“ (Лук. 2, 52). Чудное преуспевание!.. Голодная толпа, — и жалость Христа к ней; плачущая мать в Наине, и Он, — отирающий ее слезы; нищий—слепой в Иерихоне, и Он — отверзающий ему очи; Лазарь умерший, и Он — воскресающий его; Он — плачущий у врат Иерусалима; и, наконец — Голгофа... жертва крови. Повсюду — рассевание любви, помощи, деятельного участия, ласки. Как я хотел бы быть „одуванчиком“ любви! Похожим на Него!..

* * *

Ты ищешь, друг, величия? Тебя не удовлетворяет твоя однообразная, серенькая, как осенний пасмурный день, жизнь?.. Зачем же ты ведешь такую жизнь? Разве нет уже больше слез вокруг тебя? С тех пор, как

Христос ушел с нашей земли к Отцу, очень многое изменилось на ней. Люди научились летать, говорить друг с другом на тысячеверстном расстоянии... Культура, наука, техника — все быстро идет вперед. А слезы остались все теми же. Люди рыдают в безысходной тоске, как они рыдали и во времена Иисуса. И тоскливая пустыня нашей жизни попрежнему нуждается в „одуванчиках“ любви, в участливых друзьях многочисленных страдальцев.

Не сделаешься ли ты, прочтя эти строки, **таким** „одуванчиком“, сеятелем **активной** любви? Более великого назначения не может быть для тебя на этой земле! Через тебя хочет Христос и теперь рассевать Свою любовь среди людей. Именно через **тебя!**

* * *

„Где путь к достижению этого?“ — спросишь ты. Ты познал Христа, как своего Спасителя... Аллилуия! Блажен ты, и благо тебе!.. А дальше что? Христос умер, чтобы спасти тебя, но Он **жил,** чтобы оставить тебе Свои **следы** и сделать тебя „одуванчиком“ любви. А эти следы ведут к лачугам страждущих — бедных, больных, умирающих, плачущих, чаще всего — к лачугам рабов греха, стонущих под тяжестью своих цепей. Он нес им отрадную весть избавления, не холодным, привычным словом с высоты общинной кафедры — а близко соприкасаясь с их бедными, измученными душами. Он любил их, ел и пил с ними, чтобы ближе подойти к ним. И мы должны идти по этим же следам, если хотим вырваться из душной атмосферы бесцветного, никчемного существования. Жить жизнью Христа, жизнью светлой, благословенной, несущей радость каждому страдальцу земли — что может быть **красочнее?**

* * *

Но эти следы не без крови! Наоборот — они все ведут на Голгофу. Там посеяны семена величайшей любви. Каждая пушинка — это капля „крови“ одуванчика. Но он отдает их одну за другой — чтобы дать жизнь **другим.**

Жертва и кровь — всегда были одним неразрывным целым. Будем готовы на опыте познать это. Капля за каплей — так отдадим нашу кровь, нашу жизнь для Христа и ближних!.. Ты боишься этого? Тогда продолжай твою бесцветную жизнь. Но помни одно: „Бóльшего счастья нет, чем **любви** завет“...

Если ты любишь Иисуса искренно, пламенно, то твое сердце полно этих дивных семян любви, а где их рассевать — тебе укажут следы Христа. Будь же „одуванчиком“ Христовой любви! Всегда! Повсюду! Иди к тем, которые плачут... Вот, твоя великая задача в мире!

„Сей, где слезы льются:
Бог воздаст обильно.
Весь отдайся сердцем —
Гибнущих спасать!...“

А. Карев.

ВИНОГРАДНИКИ.

„Идите и вы в виноградник мой".
Матф. 20, 1—7.

Серебристые волны моря омывают высокую гору, покрытую роскошной растительностью. Мы причаливаем к берегу. На светло голубом небе ясно рисуется вершина живописной горы, склоны которой покрыты прекрасными насаждениями фиговых деревьев и винограда... Виноградники раскинулись и по равнине, тянущейся на большом пространстве.

Мы идем в гору. Чем выше мы поднимаемся, тем чище и ароматнее становится воздух. По дороге встречается целая роща лимонных, апельсиновых, грушевых и каштановых деревьев. Где-то поодаль шумит ручей, подавая воду в виноградники. Вот, наконец, стена, а за нею — виноградные плантации.

Галилейский виноградарь, с свойственным восточным народам гостеприимством, любезно приглашает нас отдохнуть под благодатной сенью виноградных гирлянд... Лозы уже в цвету, и распространяют благоухание. Мы очарованы красотой и богатством сада.

— „О, в нем еще много предстоит работы!" — говорит хозяин.

Приглашение работников.

На востоке существует обычай: хозяин нанимает работников с торжища, где с раннего утра снуют люди... Выходит туда и виноградарь — и работники наперебой бегут к нему, предлагая свои услуги, не считаясь с размером платы; но оказывается, что хозяин берет только сильных, которые могут при зное работать весь день.

На таком „торжище" находишься и ты, читатель. „Виноградарь" видит тебя и приглашает на работу.

Ты давно уже осознал, что весь смысл жизни — в труде. Труд — это дар Божий. Первый человек на земле в поте лица своего трудился, и за ним—все бесчисленные поколения людей. Труд — это радость.

В воображении проходят вереницы великих людей, которые всю жизнь свою трудились, следуя влечению своего сердца.

Имеешь работу и ты, читающий эти строки. Имеешь, — но тяготишься ею, потому что не видишь от нее пользы ни себе, ни людям. И порой бывает тебе так не легко, как на каторге. О, каторга!.. Достоевский однажды сказал: „Каторга не потому тяжела, что там работа тяжелая, а потому тяжела, что там работа бесцельная; вот как прикажут копать гору и отваливать землю, делая другую гору, то слезы посыпятся из глаз".

Ты, читатель, тяготишься своей каторжной работой, плачешь, не видишь ей конца. И чем дальше, тем тебе тяжелее, так что ты, наконец, выбиваешься из сил и желаешь себе смерти.

„Виноградарь" зовет тебя работать над бессмертными душами...

Рано утром.

„Рано утром", когда жизнь твоя подобна венчику цветка, раскрывающему лепестки при восходе солнца — Господь уже смотрит на твою душу, еще не тронутую грехом. Он употребляет и силу и любовь Свою, чтобы ты всегда оставался таким же свежим, здоровым, чистым, каков ты теперь, и хочет, чтобы жизнь твоя, только еще начинающаяся, шла

под Его взором. Господь имеет и дальнейшие планы относительно тебя: Он через тебя хочет излить дождь благословений Своих на людей. Посмотри на Моисея, Иосифа, Давида, Самуила, Исаию, Иеремию и многих других, которые уже с юности были великими орудиями в руках Божиих. Так и ты, хотя еще юный, но мог бы быть работником в Его „винограднике".

Но у тебя есть свободная воля: ты можешь пренебречь благословениями и выбрать проклятие. Ты завидуешь „безумным", видя, как они благоденствуют, и хочешь оставить Бога, уйти из-под Его контроля и устроить жизнь, как тебе хочется. А враг играет твоим воображением; и наступит день, когда он сломает и испортит всю эту жизнь, как ураган, налетевший на виноградник, портит там все и ломает...

История блудного сына ярка и назидательна: здоровье, силу нравственную—все взял от него враг души. Возьмет и от тебя, если ты не остережешься. Он выжмет из тебя все силы, как сок из лимона, и бросит. И даже еще хуже: он заставит тебя, заодно с ним, искушать и вести к погибели другие души.

А для Господа ты будешь—как веточка сломанная, как птица с разбитым крылом... Замолкнут твои песни радости, опустишь ты взор, и не сможешь поднять глаз на Того, Кто любит тебя.

О, да не будет с тобою так! Ты послушаешься голоса благоразумия, и скажешь: „и Библия, и голос „Виноградаря", и разум мой—все мне говорит, что все источники жизни в Боге. В Нем—полнота, в Нем—чистота, в Нем—красота... Пусть весна моей жизни будет отдана Господу"... А Он ниспошлет на тебя обильные лучи благодати Своей, и ты будешь—как лоза в винограднике, залитая ярким солнцем...

В третий час.

Опять идет „Садовник" на торжище и—видит тебя. Много воды утекло с тех пор, как в первый раз нежно звучал Его голос, призывая на работу. Теперь опять ты слышишь этот голос—чудный голос!.. „Иди и ты в виноградник Мой!"...

До сих пор Господь не выпускал тебя из виду, блуждающего. Он хранил тебя на опасных путях, и спасал от тысячи ядовитых стрел, направленных в твое сердце. Благословений Его ты не замечал: глаза твои были обращены на „золотого тельца", и вот враг „напал на летние плоды твои и на зрелый виноград" (Иер. 48, 32) и опустошил все.

Теперь жизнь твоя похожа на разорвавшийся и угасающий фейерверк: ты падаешь вниз, и от блеска—ничего не остается!.. Не даром враг ставил тебе препятствия! Ты поддавался ему, ты входил в сделки с совестью. Молитвы, размышления о вечности, чтение Слова Божия и собрания во имя Господа—казались тебе уже ненужными. И вот теперь ты—духовный банкрот, и от всех твоих увлечений остались тебе одни страдания.

А Господь обращается опять к тебе: „Иди в Мой виноградник, в Мою среду, под покров Мой... Я сделаю тебя ловцом человеков, и возрадую тебя до скончания дней"...

Брось дурные привычки, побори соблазны, освободись от рабства греха, наберись мужества, и стань истинным и ревностным служителем.

Благословение Божие несет пробуждение к жизни... Ты тоже, как лоза, дашь побеги святой жизни и раскроешь почки, и принесешь плоды благодарения и служения.

„Опять вышед около **шестого** и **девятого** часа, сделал то же“

Солнце поднялось высоко и заливает все горячими лучами. Кругом густеет и зреет, наливается и поспевает. Люди веры имеют обилие мира, покоя; их любят за их прямоту, за святость жизни. Они работают над собою, и—до самопожертвования — работают над окружающими. Они создают новую личную, семейную и общественную жизнь, и во всем имеют успех и благословение.

Что с тобой, стоящий на торжище—праздно? Ты достиг зрелого возраста; наступил уже перелом твоей жизни на другую половину, к старости. Твоя праздность—оторванность от Бога—довела тебя до отчаяния: все ломается вокруг тебя, валится, идет вразрез с желаниями... Здоровье слабеет...

Вырастают тысячи новых препятствий. О лучшем будущем ты уже не думаешь: выход из тупика представляется тебе один: пуля или веревка..

Но невидимая сила Божия помогает переживать разочарования. Пусть только в тебе теплится хоть малый огонек надежды! Господь всегда бывает близок к ищущему Его. Сегодня Он зовет тебя через Слово, через Духа, через Сына Своего возлюбленного в Свой виноградник...

Довольно оставаться равнодушным! Отбрось сомнения и страх и призови имя Господа!.. Он давно уже стучал в двери твоего сердца, много раз указывал на то дело, которое совершил Он на Голгофе: раны и Кровь Его и сегодня вопиют к тебе. Пора, пора преклониться тебе перед Ним, и искренно, во всеуслышание покаяться. И тогда—ты увидишь—Дух Святой начнет действовать в тебе, и приготовлять в душе твоей почву для получения милости и благословений Господних на твою жизнь. „Горы источать будут виноградный сок, все холмы потекут“ (Ам. 9, 13)...

„Наконец Он вышел около **одиннадцатого** часа“...

Солнце скрывается за горизонтом, ложатся вечерние тени, темнеет... Это твоя пора жизни, старик! Годы бегут быстрее гонца, оставляя позади тяжелые воспоминания...

Ты шел путем служения сатане и плоти. И теперь—льешь горячие слезы, и душа твоя стонет: „Горе мне! ибо со мною теперь — как по собрании летних плодов, как по уборке винограда: ни одной ягоды для еды, ни спелого плода, которого желает душа моя“ (Мих. 7, 1).

Да, действительно, положение твое тяжелое. Но знай, что ты еще можешь получить прощение всех твоих грехов, вольных и невольных. Христос ведь умер и за тебя и Кровью Своею омоет грехи твои. Он простил разбойника на кресте. Простит и тебя. Он не хочет смерти грешника.

Если ты не покаешься, то к тебе можно будет отнести слова: „Краснейте от стыда, земледельцы, рыдайте виноградари, потому что погибла жатва в поле“ (Иоиля 1, 7).

Склонись сейчас же перед Ним. Откинь сомнения, и предания, и мертвые исповедания твоей церкви. Покайся **во всем,** и знай: Его милосердие, как луч во мраке, прольется на твою седую голову. И тогда ты войдешь в Его „виноградник“ и начнешь там работать. Пришедшие туда первыми уже далеко продвинулись! Но—не унывай: ты будешь собирать оставленные ими ягоды винограда. Такая работа—тоже нужна. „Работай рукою твоею, как собиратель винограда, наполняя корзины“ (Иер. 6, 9). Работай, сколько хватит сил, и „в малом будь верен“.

Все, желающие войти в „виноградник“ Божий, и работать там! Принесем наши сердца, внимание, здоровье, силу—к ногам Господа, и будем просить благословения Его на наш труд.

При искреннем твоем желании войти в „виноградник“ благословенного Отца Небесного—ты почувствуешь, что вся жизнь твоя изменится.

Со дня вступления туда ты будешь подчинен воле Хозяина сада, и Он будет беречь тебя, поддерживать, помогать в работе твоей, на которую и позвал тебя. Сила Христа совершит над тобою чудо! Ты так изменишься в нравственном отношении, что близкие и знакомые не узнают тебя: из гордого ты станешь смиренным, из лукавого — честным, из неприятного—любезным. Ты постепенно сделаешься похожим на своего Хозяина: ты приобретешь Его чувства, Его силу, Его мудрость.

Великий Хозяин зовет: „Идите и вы в виноградник Мой“.

Пойдем же на Его зов!..

Вл. Дубровский.

ЯКУТИЯ.

Якутия находится в Восточной Сибири—далеко на севере, граничит она с Ледовитым океаном с одной стороны и с Приморской, Иркутской и Енисейской губерниями—с другой стороны.

Поверхность Якутии представляет из себя однообразную равнину, переходящую на севере в тундру, а с юго-востока окаймлена горными возвышенностями. Растительностью — не богата. Климат очень суров: продолжительная, холодная зима и короткое лето. Население Якутии состоит главным образом из якутов, тунгузов и русских.

Якуты, или как они сами себя называют **„соха“**, принадлежат к тюркскому племени; насчитывается их около 230 тыс. человек. Внешний вид этих инородцев—средний рост, смугловатость, черные волосы и слегка косой разрез глаз. Занимаются они преимущественно рыболовством, оленеводством и звероловством. Часть из них обращено в православие, большинство же остались язычниками и усиленно придерживаются **шаманства.** Шаманство—древнейший вид идолопоклонства, которое заключается в следующем: при служении и жертвоприношениях своим богам, шаманы или как их называют—жрецы, одев особое одеяние, увешанное тонкими ремешками и символическими знаками, берут в руки бубен и упорно смотря в огонь начинают вертеться и тем самым доводят себя до экстаза. Разного рода заклинания жрецы произносят обычно ночью, при огне.

Приводимые ниже письма принадлежат **Марии Антоненко, первой евангельской миссионерке среди якутского народа.**

По происхождению М. Антоненко—крестьянка. Путем самообразования она прошла среднюю школу. Обратившись на евангельский путь, она почувствовала особое призвание работать среди язычников и главным образом—среди якутов. С этой целью, в 1925 году, она поступила на Ленинградские Библейские Курсы Евангельских Христиан, по окончании которых отправилась в Якутию. *Ред. Ком.*

Красноярск, 16. 6. 26— „...Мой поезд тронулся из Ленинграда, оставляя за собой группу моих дорогих друзей, с которыми, быть может, я рассталась навсегда.

В Ново-Сибирске меня встретили очень приветливо, в особенности сестры в Господе, с которыми я приняла участие в „празднике сестер“.

В Красноярске, по желанию местной общины, я остановилась на три дня. Тут мне спели гимн „Бог с тобой доколе свидимся“; эту песнь я особенно полюбила, потому что за последнее время приходится очень часто ее слышать, да кроме того, увижусь ли я когда-нибудь с теми, с которыми я прощаюсь?..

Моя миссия многих поражает, умиляет и вызывает горячие молитвы об успехе Евангелия среди якутов. В моем альбоме есть слова сестры Ш., которые мне особенно дороги: „расскажи просто, но с любовью, что сотворил с тобой Господь“, и это пожелание я исполняю, рассказывая братьям и сестрам, каким образом нахожусь я на пути к Якутии...

Якутск, 12. 8. 26.— „...Как познакомить вас с длинным, до жути, путем из Иркутска до Якутска? Вряд ли сумею. До верховья Лены пришлось ехать на автобусе, а по Лене—более $2^1/_2$ тыс. верст—17 суток.

Вначале ехала на пароходе, затем—несколько дней—на плоской лодке ехала под холодными ветрами. Наконец—Якутск.

В Иркутске дали мне адрес одной отлученной семьи, находящейся в Якутске, у которых я думала остановиться. Я отправилась по указанному адресу и что же? Отлученной семьи не оказалось там, они незадолго до моего приезда выехали из этого города. Очутившись в совершенно незнакомом для меня городе, я не знала, куда мне деваться? В это время пошел дождь, и я с вещами укрылась под навесом крыльца какого-то дома.

Тут меня охватили смешанные чувства. С одной стороны—уныние, с другой—радость, что хотя в этом отношении переживаю крохотную долю того, что пришлось испытать моему дорогому Христу.

В это время проходила мимо меня какая-то старушка-якутка и, остановившись, спросила меня на ломаном русском языке, откуда и зачем я приехала. Я кратко ответила на все ее вопросы и она повела меня по целому ряду якутских изб, в одной из которых приняли меня на жительство.

Не могу описать всех своих чувств. Все покрылось (в сознании) дымкой тумана, похожей на нависнувшую над покрытыми тайгой склонами берегов р. Лены.

Кажется, совершенный мир, дарованный Богом каждому из детей Его, как море—зыбью, покрывается колебаниями различного рода чувств, и кто сочтет количество этих колебаний?—Жить на Лене, бродить по тайге, первый раз увидеть лица якутов, увидеть очертания далекого, давно манящего города, физически ощущать страшную даль от всего близкого, родного... лишения, неудобства долгой дороги, знакомство с печальной, трижды печальной историей этого края и его встречи с русским народом, замечать вражду, нелюбовь, недоверчивость, презрение „культурных“ пришельцев к некультурным якутам—как все это передать?

Как больно сжимается сердце при мысли, что, или совсем не было, или не оставили никакого следа те, которые шли в этот край, неся Христову любовь. Нет! Видно их совсем еще не было здесь. Не могу высказать, что чувствую; но если бы у меня было 100 жизней, все бы отдала, чтобы научить хотя бы немногих любить Христа, научить отдать жизнь—за душу, за проповедь Евангелия. Но—что значит моя жалкая жизнь?—Здесь я одна, нет больше евангельских братьев и сестер. Положение крайне затруднительное, но надеюсь, что Господь укажет исход, и это испытание будет мне во благо.

Твердо верю, что здесь зазвучит проповедь Евангелия. Прошу вас об этом молиться. Пишите. Письма сюда идут долго, в самых лучших условиях—около 2-х месяцев.

25. 10. 26.— „...Сообщаю вам, что в Якутск приехала сестра Сухотцева и я рада, что увидалась с ней и что все трудности мы будем делить с нею пополам...

1. 1. 27 года.— „...Сегодня я получила семь писем, но так как у меня было много работы, то я отложила чтение, лишь с жадностью разглядела почерки и подписи. Это для меня было величайшим праздником, письма меня ободрили!..

Я все больше и больше люблю Якутию, этот сумрачный, хмурый север с его полярным сиянием. Я огорчена тем, что до сих пор научилась только читать и писать по-якутски, а говорить не умею, кроме некоторых фраз...

Материальные условия заставили меня с сестрой уйти в чернорабочие и почти весь наш день поглощается физическим трудом. Стремимся жизнью и словом свидетельствовать о Боге. Есть такие души,

которые ждут собрания. Пока что нами начаты частные и групповые беседы, и я верю, что Господь начатое дело совершит, хотя бы долгое время пришлось жить в одиночестве...

К климату понемногу привыкаем, хотя и нелегко, при морозе в 50° воздух превращается в туман... Но будет еще холоднее.

Здесь о Евангельских Христианах ничего не слыхали, но есть тут духоборы, хлысты, скопцы и субботники. Благодаря им, наша работа осложняется.

Пока же—Бог с вами, „доколе свидимся"! Интересно знать, где мы увидимся, на берегах Невы, или Лены, или в вечном Царстве Христа?...

Всех сердечно приветствую. Слава Господу, что Он дал мне радость всех знать, и что Он соединил нас Своей Кровью.

Евангельская группа в гор. Якутске.*). (В центре М. Г. Антоненко ×).

10.3.27.— „...При чтении вашего письма, мне вспомнилось дорогое прошлое и я уверена, что оно не вернется, но не грущу об этом, так как настоящее мне не менее дорого...

Стремлюсь сблизиться с якутками, учусь у них говорить. Учат они меня, смеясь над моим неправильным выговором. Но меня радует, что я уже могу сказать им **Тангара—бар,** т.-е. Бог—любовь, и что когда я говорю им о Господе, они слушают меня серьезно.

Среди русских уже есть несколько человек, приближающихся к евангельской истине. Кроме того, — одна тунгузка, которой я подарила Евангелие. Остаюсь в надежде на все благое."

*) Не имея несколько месяцев известий от сестры Антоненко, ВСЕХ наконец получил фотографический снимок, в национальных якутских костюмах.

ИЗ „ТЕНИ СМЕРТНОЙ".

(Обращение на евангельский путь).

Загляделась в Волгу небесная лазурь на свое отражение. Переливается легкая зыбь разноцветными красками по зеркальной поверхности реки. Ритмический стук колес парохода нарушает немую тишину вод; сверкает белая пена, бьется о плоский берег, покрытый, осыпающимися золотой листвой, деревьями.

На берегу, задумавшись, сидит Нюша. Нехорошо что-то у нее на душе! Перебирает мысленно свою прошлую жизнь... Нет ничего в ней отрадного!

Вот, шестнадцати лет против ее воли отдают ее замуж, а через несколько месяцев мужа убивают на русско-германской войне.

— И хорошо, что так...убили,—мелькает в эту минуту злобная мысль по отношению своего мужа.

Второй брак. Муж обманул: оказались у него жена с детьми... С отчаяния начала она пить и курить. Весь свой скудный заработок пропивала!

Ах, какой глубокой ненавистью к нему горит сердце Нюши!

Но вот,—встреча с хорошим человеком. Тепло отнесся он к Нюше, женитьбой решил протянуть ей руку помощи.

Но, что же? Тиф подкосил его. Всю ночь молилась Нюша перед иконами, обещая Богу бросить курить и пить, если только муж поправится.

Но муж умер... У Нюши произошло ожесточение против Бога: она сказала, что Его—нет...

С мертвой петли веревки сняла Нюшу соседка, помешавшая ей покончить с собой.

— Надо-ж мне было загреметь табуреткой! И к чему только вмешалась Катя?—с досадой вспоминает Нюша спасшую ее соседку.

После такой неудачи, она отправляется на полотно железной дороги.

— Тут уж никто не помешает,—утешается Нюша при виде несущегося к ней навстречу огнеглазого паровоза.

Жутко, сердце замирает...Ближе и ближе подходит...

Что-то белое, призрачное, похожее на умершую тетку, неожиданно мерещится Нюше, и она, с ужасом, перед самым поездом убегает с рельс.

Стремясь залить свою тоску, Нюша запила еще сильней.

Опять, еще замужество. Но вот, однажды, привезенные мужем с поезда какие-то чемоданы и корзины открыли его занятие.

С ужасом Нюша сбежала от мужа-вора и, чтобы избавиться от него, в качестве солдата-фронтовика записалась в летучий военный отряд.

Но недолго пришлось ей пожить в военной обстановке: муж заявил о сбежавшей жене, и ее законным порядком вернули обратно.

В озлоблении на мужа Нюша заявила о преступлениях его в полицию, и—навсегда избавилась от него...

Нюша отличалась большой физической силой и смелостью. Частенько знакомые женщины просили ее:

— Поди-ка Нюша, вытащи-то моего мужа из пивной! Пропьет все, а семья голодная. Мне-то с ним не сладить.

И Нюша с большим успехом исполняла порученное ей дело.

Так, сидя на берегу Волги, перед Нюшей проходили картины ее кошмарной жизни.

Встревоженная, она встала с берега. Папиросы кончились—успокоиться было нечем.

Что-то похожее на осуждение совести заговорило в ее душе.

— Поговеть бы, да причаститься,—мелькнула неожиданно у нее мысль,— может и полегчает... Эх, нет, видно уж мне не до прощения, больно грешна,— со вздохом заключила свою невеселую думу Нюша и отправилась домой.

Через некоторое время Нюша вышла замуж еще раз.

— Что пользы верить в Бога, если жизнь остается во грехе?—услышала однажды Нюша свободно лившуюся евангельскую речь одного старика в доме своих знакомых.

На старичка обрушился поток противоречий со стороны приверженцев православия. Лишь одна Нюша, затаив дыхание, со слезами, прислонившись к стене, не пропускала ни одного слова говорящего.

Старичок пригласил ее на собрание...и Нюша стала посещать каждое собрание.

С великой жаждой, подобно Марии у ног Христа, Нюша впитывала все слышанное ею на собраниях, и, возвращаясь домой, все пересказывала своему мужу.

Муж запротестовал, за посещение собраний, начал наносить ей побои. Но проснувшаяся душа Нюши не остановилась в исканиях новой жизни.

— Значит есть для меня еще спасение, и жизнь не должна пройти целиком во тьме и пороках,—уяснила себе любовь Господа Нюша, уяснила и свою виновность пред Ним.

Сердце Нюши затомилось неизъяснимым чувством, похожим на ожидание чего то-светлого, прекрасного.

И вот, однажды, с горячими слезами покаяния пала Нюша к ногам Христа, и получила от Него радость спасения!.. Открылись широко двери мрачного ее сердца, и полились в него сверкающие лучи любви Христовой!

Прошло немного времени со дня обращения Нюши. В доме ее началась новая жизнь, так далеко не похожая на прежнюю!..

Как-то ее посетили друзья по вере, которых она встретила с большой радостью, а муж ее сообщил о себе:

— Вот ведь сколько лет назывался христианином, а не знал Евангелия, даже в руки его не брал! Недавно начал читать его, и увидел себя, и понял, что я никуда негодный человек. Идешь на собрание и думаешь: „вот сегодня обязательно покаюсь“, а начнут молиться, у меня так все в груди заколотится, а молиться не могу. Так долго мучился, пока Сам Господь не открыл мое сердце и уста.

А в углу комнаты сидит Нюша и вполголоса читает по складам:

„....ото-шед о-пять и по-мо-лил-ся в тре-тий раз“ (Мат. 26, 44).

Останавливается. Минутку задумывается.

— Все-то Он молился и молился, и нам заповедывал молиться,—со вздохом выражает тихо свою мысль Нюша и продолжает чтение.

В. Ш.

За тебя, друг, Христос на земле пострадал,
Своей Кровью тебя искупил...
Жизнь Он вечную, друг мой, тебе даровал,
И грехи твои все Он простил.

Он ходил по земле, Он знал скорби, искус...
Все терпел, не роптал наш Господь Иисус...
Все терпел Он, и Бога о том лишь молил—
Чтобы грешников всех Он простил:

„Не сердись на людей, мой Небесный Отец:
Ведь не знают они, что творят!
Ты прости им, великий и чудный Творец,
Что Меня признавать не хотят!..

Пусть смеются, глумятся они надо Мной—
Я прощу им... За них Я умру.
Покаянье оставлю Я им на земле:
Не покаются—будут в огне“.

Сергей Калугин.
(14-ти лет).

КОРНИ.

Одиночество! Какая это ужасная вещь!

Целое утро я горько об этом раздумывала, и не видала ни малейшего просвета вокруг. Год тому назад умерла моя девочка... дитя мое дорогое, единственное!.. Я не могла утешиться, и бесконечно тосковала.

А между тем, Бог во многих отношениях благословлял меня. Но ничто, ничто не могло заставить меня забыть мое горе!

Целый год я старалась убеждать себя, что ребенку лучше „там", чем в этом мире скорбей. Ненадолго это меня успокаивало, но потом—горе опять заливало душу, и опять я впадала в отчаяние.

Так и в это утро...

Ярко светило солнце на дворе. На окне стояло несколько горшков с маленькими, хилыми, на вид точно больными—растеньицами. Их посадила девушка, с которою мы жили, и усердно за ними ухаживала.

Теперь девушка эта, видя, что солнечные лучи начинают прямо падать на растения, стала горшки, один за другим, составлять с подоконника на стол, подальше от света.

Зачем ты это делаешь?—спросила я,—ведь солнце полезно растениям!..

— Да, полезно—ответила девушка,—но только тогда, когда они уже укоренились... Пока они не пустили еще корней—солнце вредит им.

Слова эти меня поразили. Какой-то свет проник мне в душу...

„Пока они не **укоренились**"...

Да. Значит—пока **мы** не укоренились—Господь и не заливает нас „светом"—светом благополучия, светом земного счастья. Это принесло бы нам только вред. Пока мы не пустим глубоких корней... Иначе мы „завяли" бы, „высохли"... Он нас, поэтому, и держит „в тени".

Нашим „корням" дает он **полезную для нас влагу слез.** И по мере того, как мы „укореняемся", укрепляемся духовно—Он дает нам все больше света.

„Пока не укоренятся"...

Да. Я сознаю, что до смерти моего ребенка я слишком любила мир. Я была под влиянием людей, духовно неуравновешенных, и сама не возрастала духовно. Никакими высшими целями я не задавалась. Жила, наслаждаясь своим благополучием...

Очевидно, это „солнце"—иссушало, а не укрепляло меня: у меня не было глубоких корней.

Твердо укорениться в почве—вот первое условие здорового роста.

Пока корень не укрепится в земле, пока он не сделается способным находить и поглощать из окружающей среды то, что растению необходимо—жизнь его развиваться не может, не будет ни цвета, ни плода. Душа не может безнаказанно подвергаться действию слишком большого света, пока она не **укрепилась в Боге**.

Нам нужны тени, **нужны горести**. В минуты горя—душа ближе к Богу. Она „насыщается" Им, укрепляется. Ей Бог открывает Себя.

Если Бог сделается моим „всем во всем"—тогда все богатства Его будут и моими. Сосредоточив на Нем любовь свою—я снова найду потерянное. Сердце матери, отдавшееся Богу—найдет в Нем свое счастье, свое сокровище, отнятое Им.

Кто-то так хорошо это сказал: „Все, что мы теряем—Бог собирает: приходя к Нему—мы обретаем все".

N.

МИЛОСЕРДНЫЙ САМАРЯНИН.

Ф. Кулен.

„Некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставивши его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился, и, подошед, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем; а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы, и сказал ему: позаботься о нем и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе". Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам? Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же".—Лук. 10, 30—37.

В моих простых беседах с вами, читатель, я стараюсь, насколько это в моих силах, быть только **эхом** Слова Божия. Без всяких предвзятых мыслей читаю я какое-нибудь место из наших священных книг, прислушиваюсь к тому, что̀ оно мне говорит, и—передаю вам то, что я слышал.

Но сокровище назиданий, которое можем мы извлечь из каждой повести в Свящ. Писании, настолько велико, что я могу представить вам только малую его часть...

Вы пришли с сосудами вашими... Подставьте их под струю потока, текущего в жизнь вечную... Ваши сосуды наполнятся, живая вода будет переливаться через край,—а струя будет все бежать, бежать вечно, и во веки веков утолять жажду всех, которые будут приходить к этому неисчерпаемому источнику.

Вот и сегодня, прочтя эту притчу о милосердном Самарянине, мне хочется поделиться с вами тем, что я из нее извлек. Но, если каждый из вас потом еще раз прочтет ее отдельно,—без сомнения он извлечет из нее новые и новые назидания.

Меня же в ней поразило на этот раз следующее: мне показалось, что независимо от многого другого, о чем она нам говорит—повесть эта, в сжатом виде—изображает **отношение отдельных людей—к себе подобным.**

В мире существуют: 1) злодеи, 2) равнодушные и 3) друзья человечества,—всяких оттенков и степеней.

И вот—в притче Своей Христос изображает, ка̀к люди всех этих трех типов отнеслись к тому несчастному, который лежал израненный на дороге.

„Некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон"... Расстояние между этими городами равно, приблизительно, 28 километрам; дорога проходит через дикие, пустынные, горные места, по узким ущельям, уединенным долинам... Нет ни деревень, ни отдельных жилищ. Вот почему, хотя движение по дороге этой было довольно оживленное,—путники старались быстрее ее пройти, так как часто случались там,—да и до сих пор еще случаются,—нападения разбойников.

Вообразим себе этого „человека", который идет в Иерихон, вероятно, по делам. Он спешит, и мы можем себе представить, что в душе он не спокоен. Все мы испытывали это неприятное тоскливое чувство, которое сжимает сердце, когда мы опасаемся чего-нибудь. Это—чувство

страха. Когда страх овладевает душой—он парализует человека, лишает его способности действовать...

И как унизительно это чувство для благородного и счастливого творения, которое Бог создал на земле, чтобы „возделывать и хранить ее"!

Чего мы боимся? Что заставляет сжиматься наше сердце, когда мы входим в дремучий лес, или идем по пустынному месту? Чего, в частности, мог бояться этот путник, пробирающийся в Иерихон? лютых зверей? Может быть. Но из лютых зверей,—будьте в том уверены,—нет ни одного зверя страшнее **лютого человека...** Если вдуматься,—какой это, в сущности, ужас: в пустынном месте страшнее всего встретиться—с себе подобным!..

И вот идет этот человек, боится, торопится, а его уже подстерегает засада. Разбойников, вероятно, много; цель их—ограбить. Борьба, вероятно, была непродолжительна. Они изранили, обессилили путника, ограбили—и бросили... Не важно, если он и умер... Или нет: **лучше,** если он умер: по крайней мере донести на них будет некому.

До жизни его им нет дела: только бы добыть его кошелек!

Эта первая подробность в разбираемом нами рассказе привлекает наше внимание на **первый** тип людей, встречающийся в человеческом обществе, а именно—на **злодеев.** Эти люди—открытые враги общественного порядка. Из преступления они делают свою профессию. Поэтому—общество вынуждено себя от них защищать: оно создает законы, чтобы их обуздывать, имеет агентов, чтобы за ними следить и их арестовывать, суды—чтоб их судить; наказания—тюрьмы, каторга,—чтобы их устрашать; смертную казнь—чтобы их уничтожать.

Да! Есть такие люди, к несчастью! Что их довело до этого?

Одних—роковое стечение обстоятельств: не было удачи в жизни; ряд скорбей их ожесточил... Стала мучить зависть... Глухое раздражение против всех и всего стало обычным настроением... Раздражение это против себе подобных выразилось в стремлении им вредить, делать зло.

Другие незаметно втянулись в такую жизнь из-за преступной снисходительности к своим слабостям и порокам, которые кишат в сердцах человеческих. Любовь к удовольствиям породила в них леность; последствием лености явилась нужда; нужда вызвала зависть; от зависти родилось враждебное чувство к людям, которое выразилось в насилии.

А есть еще и такие, которые самым рождением своим будто предназначены к жизни преступника, так как они от преступников и родились: отец и мать ничего хорошего привить им не могли; напротив—с молоком матери всосали они всякие дурные инстинкты, а в последующую жизнь предрасположение ко злу, благодаря примерам, только развилось, и они научились нагло и ловко вредить людям.

Наконец, бывает и так: в человеке не вполне заглохло все святое, душа его не совсем еще испорчена; не преступник по врожденным инстинктам и по профессии,—он был увлечен случайно, неожиданно, на дурной путь; он увидал дурные примеры, его ослепили некоторые искушения—и он, сам того не замечая, очутился в ряду преступников.

Да, повторяю: **есть** злодеи, есть **хищники** в мире, и число их гораздо значительнее, чем нам кажется. Я не говорю о каких-нибудь жестоких людоедах в Океании, или о разбойничьих племенах бедуинов; я даже не имею в виду знаменитых грабителей и насильников... Но просто—кругом, в наших обществах, в наших „цивилизованных" странах, в которых давно уже сияет свет учения христианского—встречаются

тысячи таких людей, деяния которых могут заставить содрогнуться... И как много убийц!.. В каждой из европейских стран не проходит **дня**, чтобы не совершилось это отвратительное преступление, сопровождаемое самыми возмутительными обстоятельствами... Те, кто читает газеты, знает это.

А что было бы, если бы не существовало закона, который все же людей обуздывает! Сколько **тогда** развилось бы убийц и всяких злодеев!.. Невольно думается: в общем ведь мало преступлений остается нераскрытых и ненаказанных; надо быть безумным, чтобы заведомо подвергаться риску—быть пойманным! В самом деле: не сумасшедшие ли это люди—скорее, чем злые?

Но кроме закона, есть и еще могучая сила, которая ставит преграды преступлениям,—сила, не имеющая ничего общего ни с религией, ни с нравственностью... Это—страх перед общественным мнением, собственная выгода. Многие понимают, что стать на дурную дорогу, это значит—потерять всякое уважение, доверие, кредит; это значит—заслужить общественное презрение; а это для многих бывает страшнее тюрьмы.

Когда слушаешь отчеты тех людей, которые посещают так называемые „отбросы общества"—посещают их для того, чтобы просветить их светом евангелия,—нас поражает, какое несметное количество самых низких страстей волнует души тысяч, миллионов людей!..

Воистину, и мы тогда придем к заключению, что „наше общество спит на вулкане"... Стоит только, чтобы что-нибудь нарушило равновесие, от которого зависит наша хрупкая безопасность, например—чтобы законы на время почему-либо потеряли свою силу,—и вся эта человеческая грязь, которая гниет у нас под ногами, начнет волноваться и всплывет на поверхность... Миллионы людей поднимутся, миллионы, способных на всякое преступление!.. Содрогаешься при мысли о тех катастрофах, которые тогда произойдут! Целые народы могут быть уничтожены!

Но Тот, Кому и волны морские повинуются—может остановить и этот прилив злых сил, который страшнее всякого морского прилива.... Он может сказать ему: „дальше ты не пойдешь"...

Говорю я обо всем этом, конечно, не для того, чтобы у нас с вами явилась мысль: „Господи! благодарю тебя, что я не такой, как те ужасные люди"... Я хочу только, чтобы вы вдумались в истинное состояние человечества вообще, и в частности—в истинное состояние каждого из нас в отдельности.

„По плодам познаете их"—сказал Господь, и это верно, как по отношению отдельных лиц, так и по отношению целых обществ.

Разбойники, хищники, убийцы, падшие женщины—вот те „плоды", которые приносит человеческое общество, и плоды эти вредят самому этому обществу, несмотря на то, что их всячески стараются уничтожать. Хорошо же, значит, дерево, на котором вырастают такие плоды!..

А разве **таким** его Господь посадил? Разве не клевета на Бога,—говорить, что род людской и создан таким, каким мы его сейчас видим?

Нет! В человеке заложены всякие благородные порывы. У него **есть** стремление к свету, душа его **чувствует** Бога. Только человек—**пал**, низменные инстинкты потянули его вниз. Греховные начала в душе его победили начала святые. И вот почему человечество нуждается в Спасителе.

Помните тот случай: фарисеи, представители закона, и люди, справедливые в глазах общества, а еще более—в своих собственных—однажды привели к Иисусу Христу женщину, взятую в преступлении, которое тогда страшно каралось побитием камнями. Они хотели подставить ловушку Христу... Что он скажет? Как он рассудит?.. Вероятно, пораженный той глубокой злостью, которою, как Он видел, они все пылали, Иисус не сразу ответил им, а наклонился к земле и чертил на ней... А затем—помните ли вы, что Он сказал?.. „Кто из вас без греха, первый брось в нее камень“ (Иоан. 8, 3—11)... И взгляд Его обличил их. Он озарил их совесть—и они поняли, что—**все грешны**! Поняли—и тихо разошлись... А за минуту перед тем они считали себя праведниками...

Мы воображаем, что у нас нет ничего общего со всякими злодеями и преступниками? Да. С внешней стороны.

А—в душе?.. А в уютных уголках нашей частной жизни?.. Какие у нас бывают иногда мысли? Какие чувства копошатся на дне души?

Да, мы воздержаны, не поддаемся соблазнам... Но... Обращаюсь я к каждому из вас, читатель.

Поставьте себя мысленно перед теми соблазнами, которым подвергаются тысячи наших братьев, и которым поддались те, что сидят теперь в тюрьмах. Устояли ли бы вы? Вот и вопрос.

„Наблюдайте каждый за собою, чтобы не быть искушенным“ (Гал. 6, 1), говорит ап. Павел. Следуйте этому совету, и прежде чем осудить кого-нибудь за то, что он сделал дурного—поставьте себя на его место.

Вот убийца, каторжанин в кандалах... Расспросите его: пусть расскажет он вам свою историю. Идите вверх по течению, до самого истока. Войдите мысленно в рамки тех обстоятельств, среди которых проходила его жизнь. Узнайте о его родителях, познакомьтесь с атмосферой, которою дышал он с детства, с примерами, которые видел перед глазами, со всем тем, что сформировало его характер. Сможете ли вы, положа руку на сердце, утверждать, что, если бы вы родились и жили там, где он—вы не кончили бы каторгой?

Что может быть прекраснее матери семейства, честной жены—товарища мужа, воспитательницы хороших детей?.. Но кто знает, что́ бы эта женщина из себя представляла, если бы при появлении своем на свет не получила ничего другого, кроме—нищеты и красоты? Если бы ее воспитывали безнравственные люди, если бы в ней не развивали идей добра? Порок и голод—две страшные силы. Устояла ли бы против них та женщина, чистой жизнью которой мы теперь любуемся, если бы с детства не берегли и не лелеяли ее душу?

Говорят: в каждом человеческом обществе есть осадок, как отстой в сосуде. Порочные люди и представляют из себя именно этот отстой... Согласен. Но такой же осадок есть и в глубине души **каждого из нас**.

Но, как бы там ни было,—а в настоящее время мы не злодеи, слава Богу. Во всяком случае—не такие, какие напали на путника в рассказе Христа. На грабежи и убийства мы с вами не способны... Но—не виновны ли мы в другом преступлении, подобном этому? Это мы увидим дальше.

А пока, возвращаясь к рассказу Христа,—представим себе ограбленного и израненного человека, брошенного на дороге. Он лежит, истекает кровью, страдает,—только и думая о том, чтобы кто-нибудь пришел и помог ему.

И вот, действительно,—идет кто-то!.. Слава Богу: это священник... святой человек, священнослужитель, и уже во всяком случае,—согражданин, друг, брат!.. Он—поможет, конечно!..

Но,—какое разочарование! Священник только взглянул на раненого, и—„прошел мимо“!

Поскорее прошел, не подойдя, не поинтересовавшись даже узнать, в чем дело...

В какое отчаяние должен был впасть раненый!.. Один, под палящим солнцем, может быть—терзаемый уже лихорадкой! А вместе с отчаянием не почувствовал ли он и разочарования: „Так вот каковы наши священники! И это—служители Бога! Они говорят нам о милосердии, о любви к ближнему, и мы так просты, что им верим, что уважаем их... А вот как сами они исполняют то, о чем говорят! Лицемеры! Все они лгут!.. Ничему я больше не поверю!“...

Спрашивается: кто больше вреда сделал человеку этому—разбойники ли, которые изранили его **тело**, или же этот священник, который **душу его ранил—сомнением?..** Те отняли только кошелек, а этот—отнял, быть может, веру?..

Какое это сильное слово Спасителя: „Не бойтесь убивающих тело, и потом не могущих ничего более сделать“ (Лук. 12, 4).

Итак—священник „прошел мимо“. Что же: значит—он был человек негодный, совсем бессовестный?

Да нет!. Возможно, что это был вполне честный, по своему, человек, но—это был **эгоист.** Вот в чем все дело. Вот что помешало ему сделать то добро, которого единственно и требовал от него Бог в эту минуту.

Эгоизм—такая общераспространенная черта! Но как этот обыкновенный, ежедневный эгоизм людской может быть холоден и жесток!

Священник, увидя ограбленного и израненного, вероятно прежде всего испугался за себя: „разбойники близко, как бы они не напали и на меня... Уйти скорее!.. Жалко этого несчастного!.. Но чем же я тут помочь могу? К жизни его не вернуть... Его не спасешь—а еще сам попадешься грабителям... Будет только лишняя жертва“...

А в глубине—копошится и еще, может быть, одна низкая мысль: „Не стоит тут хлопотать: никто не видит...“

Как ни страшно в этом сознаться, но часто мы делаем добро **потому, что люди нас видят...**

Священник поспешно удаляется и продолжает думать: „Бедный, несчастный человек!.. Вот она—жизнь наша: шел себе по своим делам, ничего не подозревая, и вдруг—смерть!.. Как бы и со мной того же не случилось...

„Гнусный народ—эти разбойники. Вся страна от них терпит... Ненавистные, подлые, жестокие... И как неприятно, что приходится жить так близко от них!.. Когда же, наконец, очистят от них страну?

„Благодарю Тебя, Боже, что я не таков, как эти люди!.. Пощусь два раза в неделю, даю десятую часть от всего, что приобретаю... Все меня уважают, я пользуюсь влиянием... я примером служу всему народу“...

Вот, что мог прочесть Бог в сердце этого священника, пока он спешно шел дальше по дороге, несколько взволнованный, но—довольный собою.

Только что успел он скрыться из виду—опять шаги, и опять у раненого загорается надежда... Идет левит. Тоже священнослужитель, но низшего разряда, и, поэтому, более, может быть, близкий к народу...

Но увы—и тут разочарование! Левит тоже заботится главным образом о собственной безопасности... Он „подошел, посмотрел, и прошел мимо“... в душе, вероятно, тоже проклиная злодеев, и осуждая правительство, которое не может их обуздать.

Как возмутительны оба эти человека! Они кажутся хуже еще и от того, что стоят они на известной высоте, занимают такое положение, что на них можно смотреть, как на хранителей нравственного закона... Они хорошо должны знать этот „закон совершенный“—как выражается ап. Иаков... Они—толкователи Слова Божия. Их голос—почти то же, что голос Самого Бога, ибо они говорят Его словами. Они—учителя народа, свет Израиля... Может быть обычно они и оказывают материальную помощь „ближнему своему“, и их за то уважают и хвалят... А вот тут, испугавшись за себя, они бросают умирающего и проходят мимо, равнодушные к его страданиям... Отвратительно.

И, если вдуматься, то, действительно, их преступление хуже преступления разбойников. Положим, что они только **упустили случай сделать добро,** тогда как те прямо **сделали зло.** Но надо принять во внимание, чего можно требовать от тех и от других... Кто такие эти разбойники? Люди, которых до преступления довело отсутствие воспитания, голод, дурные примеры...

А священнослужители ведь всю жизнь читали и изучали Слово Божие... Спрашивается: что же они из него усвоили?!

Многих таких „левитов“ и „священников“ встречаем и мы—если не на пути „из Иерусалима в Иерихон“, то на жизненном нашем пути! Не думайте, что они обязательно—служат церкви: Иисус избрал пример этот только для того, чтобы ярче оттенить их умственный и нравственный уровень развития. Откроем глаза, вглядимся хорошенько,—и мы поймем, что есть много, много в нашей среде таких людей, которые прежде всего заботятся о своей безопасности и покое, и „проходят мимо“ тех, кто находится в бедствии...

„Мы только **проходим мимо“...**

„Только“?.. Но ведь в этом-то и преступление наше!

Как смеем мы проходить мимо страждущего брата?! Как **смеем мы отворачиваться, не видеть?..**

Мы „не видим“?.. Нет. Мы не **хотим видеть!** Со всех сторон доносятся до нас слезы несчастных..! Разве мы не слышим? Нет! Слышим и знаем. Но **не хотим себя беспокоить**!

Вот в чем наше большое преступление.

Иногда говорят: „я живу-себе, никого не трогаю; никому вреда не делаю“... Ну, конечно: в засаде мы не сидим, путников не подстерегаем и не убиваем... но ведь нам этого и не нужно! Да и все наше воспитание, и все наши вкусы—не дадут нам совершать таких нечистоплотных дел. Но—хотя мы **такого прямого зла** и не делаем—мы **нашим себялюбием и равнодушием приносим людям не меньше вреда**. Это надо хорошенько понять, ясно сознать.

„Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви“—наставляет апостол Павел, в послании к Римлянам (13, 8). На нас всех лежит **долг христианской любви к ближнему,** и необходимо этот долг уплачивать.

Читатель мой! Притча, которую сказал Христос, изображает нам—все человечество. В притче четыре действующих лица, четыре категории людей. К которой из них принадлежите **вы?**

Вы имеете счастье не быть „покинутым“ и „израненным“, лежащим без помощи на дороге... Значит—кто же вы?

„Разбойник“?. О, нет, нет!..—воскликнете вы...—Никогда не хотите вы делать людям зло, отнимать у них их достояние, убивать...

Так. Значит вы „священник“ или „левит“?.. Но к ним вам тоже не хочется быть причисленным?.. К этим эгоистам, равнодушным к чужому горю?..

Остается еще одна категория людей, о которой я еще ничего не сказал,—четвертое действующее лицо в притче...

Продолжим разбор этой притчи.

Итак—несчастный раненый так и остался лежать на дороге, после того, как прошли мимо него священник и левит. И вот он опять слышит шаги—но на этот раз это уже верховый, а не пеший путник. И раненый думает: „если уже те двое прошли мимо—то этот и подавно проедет, не останавливаясь“... Всадник приближается. В нем человек узнает Самарянина, и снова думает: „Два иудея не пожалели, не помогли... Чего можно ждать от иностранца, врага нашего народа?“

Но как он ошибался! Этот „иностранец“, этот „враг“, увидав страдающего—подъезжает к нему, сходит с осла, и—оказывает ему ту помощь, которую он тщетно ожидал от тех двух.

Вот пример, который ставит перед нами Иисус.

Чтобы достойно оценить поступок этого „Самарянина“, надо вспомнить, что между Самарянами и Иудеями существовала давнишняя вражда. Они до такой степени ненавидели друг друга, что Иудей считал себя осквернённым, если прикасался к чему-нибудь принадлежащему Самарянину. Самаряне, когда Иисус проходил близ Сихема, отказались Его принять, потому что Он был Иудей... Тогда ученики, подчиняясь безмерному чувству злобы, пожелали, чтобы огонь небесный сошел, и попалил нечестивый самарянский город и его обитателей...

Иисус остановился у колодца Иакова, и попросил пить у женщины, пришедшей сюда черпать воду. Женщина удивилась: как это Иудей просит пить у Самарянки? „Ибо Иудеи с Самарянами не сообщаются“, поясняет евангелист.

Поэтому—Христос не даром в притче Своей выставил именно „Самарянина“, помогающего Иудею... Вместо того, чтобы радоваться несчастью врага, или, в лучшем случае, равнодушно пройти мимо него,—он, наоборот, спешит к нему на помощь... Это очень подходящий пример, чтобы показать, что любовь наша к ближнему не должна признавать **никаких человеческих перегородок.** Все люди—творения Божии, у всех—Один Отец Небесный, все мы—братья... Какое может иметь значение, что человек—иностранец, или иной с нами веры, или иных убеждений—если он **страдает** и нуждается в помощи, и у нас есть возможность помочь ему?

Одно из двух: или в сердце нет любви совсем—или она не признаёт границ. Для любви нет ни Еллина, ни Иудея, ни скифа, ни варвара, ни раба, ни свободного, ни мужчины, ни женщины, и—я иду еще дальше: для нее нет **ни добрых, ни злых...** Если любящий различает их, то только для того, чтобы по отношению к этим „злым“ проявить **особенную заботу**, оказать им особенное внимание...

„Любите врагов ваших“—завещает нам Господь: „благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас, и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми, и

посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?.. Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный" (Матф. 5,44—46,48).

Итак,—Самарянин, изображенный в притче, увидав раненого, подъехал к нему и сошел с седла. Иисус Христос рассказывает даже в подробностях, что именно сделал он потом: он перевязал раны несчастного, подкрепил его силы, и, видя, что он уже может двинуться дальше—посадил его на осла и продолжал путь. И, наверное, все это сделано было не сухо и формально! Наверное он сопровождал все это участливыми, ободряющими словами... Осторожно довез он его до ближайшей гостиницы и—„позаботился о нем", т. е., вероятно задержался тут, чтобы ухаживать за ним. Выходит, что во всем этом пожертвовал он не только деньги: он отдал свое время, свой труд,—самого себя,—чтобы оказать помощь несчастному. О том, что самому ему может тут угрожать опасность от нападения разбойников,—он даже не подумал!.. Если были у него личные дела—он их отложил: самым не терпящим отлагательства делом было для него в данную минуту—помочь...

Только та любовь—истинная, которая проявляется в **самопожертвовании**. „Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев" (I Иоан. 3,16). „Души свои"—т. е., прежде всего, сердце,—эту теплоту привязанности и участия, эту симпатию, которая делает то, что забываешь себя самого, **становясь на место страдающего**.

В этом—первое благодеяние; оно самое скрытое, но—самое большое!

Живой поток сочувствия льется из сердца—и идет прямо в сердце страдающего, и, помимо всякой другой еще помощи, уже облегчает его боль... Взгляд, полный участия, звук ласкового голоса, ощущение, что ты **не один** в своем горе—бывает ведь часто тем первым глотком холодной воды, который сразу облегчает мучения томимого жаждой. Все остальное уже придет потом, но вот этот первый момент—так важен!

„Душу свою полагать"... т. е. „жизнь". А жизнь—что такое? Это—наши силы, наше время, и—наши деньги тоже. Но деньги дать иногда бывает легче всего, хотя и деньги—вещь необходимая. Только ведь, вы знаете: деньги—вещь холодная! Деньги—вещь грубая! Бывает, что приходится извиняться, когда их даешь...

И во всяком случае, это—наименьшее, что мы обязаны давать. Главное—это **мы сами**, наши силы, наше личное чувство.

Научиться мы должны, идя по жизненной дороге—„останавливаться", „сходить с седла", „наклоняться" над упавшими, и с любовью оказывать им помощь, не думая о том, что мы тратим время и пропускаем свои дела.

Дальше в притче мы видим, что Самарянин не только в данную минуту помог человеку: он позаботился и о его будущем. Он поручил его хозяину гостиницы, заплатив за него вперед, так что больной мог спокойно тут лежать и поправляться, а потом—здоровым отправиться домой. И вот в этом тоже заключается признак истинной любви к ближнему: конечно, самое спешное дело—помочь, чем только возможно, **сейчас**; но никогда нельзя упускать из виду интересов будущего... Поднять раненого сегодня, чтобы завтра дать ему умереть от недостатка забот—жестоко. Дать ему хлеб, а душу его оставить погибать из-за отсутствия пищи духовной—это не помощь. Заботиться о нуждах временных, и не думать о нуждах вечности—это проявление духовной нашей слепоты.

Ведь мы все—члены одной семьи, находящейся как на земле, так и „в небесах". Конечно, необходимо поднять брата, упавшего на дороге,

и поставить его на ноги. Но надо, после этого, дать ему возможность „вернуться домой". Где же „дом" для бессмертной души человека?.. Дом наш—это ведь есть та „скиния Бога с человеками", о которой вдохновенно и пророчески говорит Иоанн в своем Откровении (21,3), и где смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет... „Дом" наш в том светлом „городе", который всех нас ждет... А пока наш „дом"—это наша **вера,** которая делает из нас новые создания; это то **Царство Божие,** которое уже **здесь, на земле**, заключается в праведности, и мире, и радости во Святом Духе (Римл. 14,17).

Вы сознаете ли, чувствуете ли, что необходимо, чтобы наша любовь к ближнему доходила именно до **такой заботы о его будущности?** Иначе—это не любовь.

По мере того, как я таким образом углубляюсь в размышления о любви, она все поднимается, все растет в моих глазах, принимает такие размеры, которые поражают меня самого. Выходит, что христианской любовью можно назвать **только** такую, которая воспламеняет **все** наше сердце, берет **всю** нашу жизнь!.. Истинная любовь к ближнему **обнимает всех людей и опрокидывает все преграды...** Истинная любовь лишь та, которая **всегда земное отдает за вечное**... Истинная любовь лишь та, которая не знает границ ни во времени, ни в пространстве, ни в широте, ни в долготе, ни в высоте, ни в глубине... Нет иной любви, кроме той, которая горит в сердце Иисуса Христа и идет из Его сердца—в наши, чтобы зажечь и их той же любовью!..

Притча о Самарянине приобретает для меня теперь еще новый смысл. Мне она представляется великолепным символом того, чем, при свете Евангелия, является человечество.

„Разбойники" исчезли, „священники" и „левиты" прошли... Я вижу только две фигуры, лицом к лицу...

„Человек"—человек всех времен, всех стран и классов, на всевозможных ступенях страдания, унижения и бедствия,—грешный, несчастный человек... Человек—мятежник, себялюбец, погибший; попавший, как добыча, в руки врагов, видимых и невидимых, которые его грабят и ранят. Он обессилен, расслаблен. Своими силами ему уже не подняться... До „дома" ему далеко, да он почти и не помнит о нем!.. Одним словом, такой „человек", каким сделал его грех... Это—тот несчастный в притче, который, едва живой, брошен на дороге...

Откуда может притти к нему помощь?

Оттуда, откуда ее менее всего можно было ожидать. Но больше ни откуда она и не могла притти.

Смотрите! Смотрите—**Кто** идет к страдающему человеку? Святой и Праведный! Не пришел ли Он из „вражеской" страны, чтобы осудить мир, чтобы **все они** спаслись, и посылает учеников Своих—весь мир призывать к Богу: „Идите по **всему миру,** и проповедуйте Евангелие всей твари" (Марк. 16,15)?... Безмерно благостный и нежный, Он ходит из города в город, из селения в селенье—делая добро, исцеляя больные тела и больные души... Он призывает к себе всех несчастных, входит в подробности всех страданий—и всюду восстановляет, утешает, поднимает упавший дух...

А потом—вы знаете: Он самую жизнь Свою отдал, чтобы спасти тех, кто Его мучил и преследовал...

Уйдя с земли, Он открыл перед нами „врата небесные", и сделал очевидными для всех—вечную жизнь и бессмертие. Он пошел, чтобы „приготовить место" нам, оставив нам „залог наследия нашего" (Ефес. 1,14).

Сильный, чтобы спасать всех ожидающих Его,—Он сделался для нас премудростью от Бога, праведностью, „освящением, и искуплением“ (I Кор. 1,30). Весь—любовь и милосердие, Он, „как солнце в малой капле вод“ отражается в этом „милосердном Самарянине“—последнем действующем лице притчи.

„Самарянин“, одновременно, и—пример нам, достойный подражания, и иносказательное изображение Христа.

С тех пор, как Он появился на свете, мы в Нем—и только в Нем Одном,—находим совершенный тип любви, и идеал, к которому мы должны стремиться. Только Он Один открыл нам, в чем состоит наше небесное призвание. Нам остается—итти по Его следам.

И есть еще одно,—одно Его слово,—от которого всякий раз, что его вспоминаешь—дрогнет сердце, и хочется плакать слезами благодарности. Он сказал, что **смотрит на малейшее, сделанное нами для ближнего—как на сделанное Ему Самому...** „Тогда скажет Царь тем, кто по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне... Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! Когда мы видели Тебя алчущим и накормили? или жаждущим, и напоили? Когда мы видели Тебя странником, и пришли? или нагим, и одели? Когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне“ (Матф. 25,34—40).

Если на жизненном пути нашем попадается нам страдающий, или больной, или покинутый—будем всегда помнить, что это—**Сам Христос, Который ждет нашей помощи...** О, Господи! Как ты милосерд! Как любовь Твоя—захватывает меня всего, заливает душу мою!.. Как притягиваешь Ты нас к Себе этой огромной любовью Твоей!..

И какою **легкою** становится нам любовь к ближнему, когда Ты **так** освещаешь ее! Легкою, и отрадною, и естественною!

Непонятно, как еще в сердцах наших, после этого, **может** остаться равнодушие, себялюбие?..

Приди, Господи! Приди—и озари сердца наши светом Своим! Пусть мы, путем веры укорененные и утвержденные в любви, постигнем—что широта и долгота, и глубина и высота, и уразумеем превосходящую разумение любовь Твою, чтобы нам исполниться всею полнотою Божиею!..

А Тому, Который действующею в нас силою, может сделать неизмеримо больше всего, о чем мы просим, или о чем помышляем,—Тому слава в Церкви во Христе Иисусе во все роды и во веки веков! Аминь.

„ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ".

„Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою"—Откр. 2, 4.

Кто из людей не переживал в юности чувства, называемого первою любовью?

Это первое чувство, так глубоко воспетое поэтами и писателями, служившее импульсом к творчеству у многих великих людей всех веков, в юности бывает особенно хорошо и свежо.

Мы любим в ту пору так горячо, так беззаветно, что по первому приказанию любимого человека готовы умереть на глазах его.

Мы испытываем радость и счастье от присутствия любимого, мы готовы плакать от счастья... Но годы проходят... Мы стареем душою, духом. Чувства наши притупляются, нравы грубеют, так что порою мы даже смеемся над тем, что когда-то любили так горячо и нежно. Порою же нас охватывает глубокая грусть о свежем, прекрасном, молодом и безвозвратно ушедшем от нас счастьи первой любви.

Существует некоторое подобие этому и в духовной жизни.

Каждый христианин, на заре своей отдачи Христу, переживает „первую любовь". Кто из нас, читая сейчас эти строки, живо не вспоминает тот „чудный день, дивный день" (Гусли, № 206), когда мы приняли Его в сердце, как Властелина нашей жизни.

В первые годы следования за Христом христианина объемлет такая любовь к Спасителю и к людям, что он готов обнять весь мир, громко кричать всем о любви Божией, и о своей любви к Господу, о том мире, что наполняет его душу, о радости, переполнившей все его существо. Он готов плакать счастливыми слезами любви от сознания ежечасной близости его к Богу.

Но годы проходят... Служение Богу переходит в привычку... Молитва теряет свою свежесть, искренность, становясь все более сухой и привычной. Сердце уже не горит той „первой любовью" ни к братьям и сестрам, ни к погибающим грешникам, ни даже к Самому Господу. Порою становится грустно от мысли, что нет уже в сердце того огня любви к Создателю, и собственное существование начинает казаться каким-то ненужным, бесплодным, бесцельным. Тоска по ушедшей, как будто безвозвратно, любви к Богу все чаще и чаще посещает сердце. Но не совсем еще, о, человек, ушла любовь из твоего сердца! Тоска по ней не есть ли уже часть ее? Не есть ли эта тоска—та искра, которая может разгореться в большой пожар? Упражняй себя в благочестии—2 Тим. 4, 7. Это хорошо. Но лучше упражняй себя в **любви,** ибо „любовь есть совокупность всех совершенств" (Кол. 3, 14).

Как приобретается сила физическая?—Только посредством упражнений, тренировки. Благодаря упражнениям многого можно достичь в любом деле. Твое сердце зачахло, заглохло, обессилело: но начни упражняться в любви, т. е. иными словами, **начни молиться** усерднее, настойчивее, горячее о возврате первой утраченной любви.

Господь имеет против тебя то, что ты оставил свою первую любовь. И Он прав, потому что купил тебя ценою Своей Крови, потому что Он возлюбил тебя прежде создания мира, и в праве требовать от тебя любви. „Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас". — Иоан. 4, 19.

Да загорится в сердцах наших снова первая любовь, которую временно охладили заботы земной жизни.

Назад ко Христу, назад к Первоисточнику Любви! *Н. П.*

ОСТЫВШЕМУ.

О, мой брат дорогой!
В жизни краткой земной
Чем ты Господа Бога прославил?..
Ты назад оглянись,
Просмотри свою жизнь:
Что для славы Его в ней оставил?..

Вспомни день, когда ты
Из тисков суеты,
Брат, Спасителю-Богу молился:
Он твой лепет принял,
Бремя грешное снял,—
Духа Божья в тебя дар излился...

Как ты радостен стал!
Все хвалу воспевал
Иисусу в тот день незабвенный!..
И Ему ты душой
В день тот, брат дорогой,
Дал обет нерушимый, священный.

Ты сказал: „О, Господь!
Дух мой слабый и плоть—
Я Тебе совершенно вручаю.
Верой, правдой служить,
Для Тебя только жить,—
Самого я себя посвящаю!"

О Спасителе ты
Средь мирской суеты
Говорил, брат, всегда и повсюду;
И спасенье познать,
Благодать воспринять,—
Предлагал ты греховному люду.

В Церковь верных тогда
Ты вступил без стыда,
Для общения с ними святого,—
Чтобы вместе страдать,
Скорбь и плач разделять,
Ради славы Христа дорогого.

Но прошел первый пыл,—
Ты любовью остыл,
Стал опять суетой увлекаться...
И уж в сердце твоем,—
Прежде чистом, святом,—
Негде Духу Христа помещаться!..

И, закрывши уста,
Исповедать Христа
Ты теперь уж не можешь свободно,
Оттого, что в делах,—
А подчас и в устах,—
Оказался слугою негодным.

Слово Божье тебя,—
Словно пламя огня,—
Как услышишь, всегда обличает;
Сердца чудный покой,
Брат, утерян тобой,—
И светильник в тебе угасает!..

А кругом—так темно!
Видишь зло лишь одно...
Гибнет мир! ты о том твердо знаешь!
У тебя-ж, милый брат,
Есть сокрытый талант,—
Ты его в оборот не пускаешь.

Но подумай: грядет
Наш Спаситель—Господь.
Он Своих верных слуг награждает;
А негодных рабов,
Потерявших любовь,—
От лица Своего отвергает.

О, мой брат дорогой!
В жизни краткой земной—
Чем ты Господа-Бога прославишь?..
Горячо помолись,
Измени свою жизнь,—
И тогда плод для неба оставишь.

М. Д. И.

СЛОВО ВЕЧНОЕ И СЛОВО НАПИСАННОЕ.

А. Сефайр.

Я буду говорить о Библии, как о живой Книге наших дней.

Между Иисусом Христом—вечным Словом Божиим, и Свящ. Писанием—написанным Словом Божиим, существует органическая связь; есть много общего между Иисусом Христом и Библией. Сходство это поражает даже самого поверхностного исследователя. Отмечу хотя бы три общие черты.

Во-первых: Господь Иисус—Сын Божий, Господь с неба, пришел свыше; и в то-же время Он—Сын Человеческий, во всем уподобившийся братьям Своим. Также и Библия есть Слово Божие, и, в то же время, в большой степени, она есть книга человеческая, написанная людьми, через людей, и всюду проникнутая духом человеческой жизни и человеческих чувств.

Второе сходство — следующее: Иисус — не только рожденный женою Человек, но и Сын Давидов, Сын Авраамов. Он родом из Вифлеема. Он вырос в Назарете. Он учил в Галилее и Иудее, и на кресте Его была надпись, гласившая «Иисус, Царь Иудейский». Отношение, которое Иисус имел к евреям, существовало не только в течение какого-либо одного периода времени, но остается все тем же, пока земля не прейдет, пока солнце и луна издают свет свой. Точно также и Свящ. Писание — книга по преимуществу еврейская. Все авторы ее ветхозаветных и новозаветных Писаний, не исключая и Луки—евреи из евреев; и история, и язык книг—все носит на себе печать иудейства; даже те новозаветные части, которые написаны по-гречески, относятся к Израилю; и все вообще содержание Свящ. Писания никогда не сделается вполне понятным, пока Израиль не обратится, не уверует в своего Мессию, и не вступит в союз с Ним.

Хотя Господь Иисус и пришел «к Своим», Он, вместе с тем, есть свет мира, благословение народов, и имя Иисуса должно сделаться известным всем родам и поколениям земным, потому что Один Бог и Один Посредник между Богом и человеком—Человек Христос Иисус. Также и еврейская Библия—Книга, предназначенная для всего мира, для иудея и эллина, варвара и скифа, раба и свободного. Это—общечеловеческая книга.

Третья сходная черта: Иисус Христос говорил самым простым языком. Он ежедневно учил в храме. Он говорил на улицах и на площадях при стечении множества народа. Он говорил: «Имеющий уши—да слышит»; и однако—только лишь те, которые просвещены были Духом Божиим, способны были понять Его слова. Только овцы Его слышат Его голос. Также и Библия—книга, доступная и малограмотным людям и детям; но лишь свет Духа Святого может сделать понятными самые простые слова ее, так, чтобы люди могли ясно услышать зов Божий и последовать ему.

Но если существует сходство между Христом и Свящ. Писанием, то существует также еще и сходство между действием слов Христа и слов Свящ. Писания на ум человеческий. Слова Спасителя привлекали к Нему различные категории людей, из которых одни подошли ближе, другие стояли дальше от Него. К таким далеко от Него стоящим относятся «служители», о которых повествуется в Иоан. 7,46. Свое мнение о Христе они выразили так: «Никогда человек не говорил так, как Этот Человек». В словах «Этот Человек» заключался какой-то особенный смысл. Люди эти, повидимому, почувствовали, что Он **имеет право** так властно говорить. Никогда еще мир не слыхал такого тона и такого голоса. Никогда не слыхал таких слов и такой премудрости.

Ближе ко Христу теснился другой круг слушателей. Это были люди, на чувства и воображение которых сильно повлияли слова Христа, когда Он в синагоге Назаретской читал им место из книги пророка Исаии, где говорилось о Его призвании. Еще ближе к Нему были те слушатели, которые по окончании Нагорной проповеди дивились учению Его, говоря, что Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники. Совесть и сердца этих людей были тронуты. Они сознавали, что Сам Бог говорил устами «Этого Человека».

И совсем близко к Иисусу стояли ученики Его, говорившие: «Господи, к кому нам итти? Ты имеешь глаголы вечной жизни» (Иоан. 6,68). В непосредственной близости ко Христу находились в те дни апостолы, а теперь находятся все христиане, уверовавшие в Него после сошествия Духа Святого в день Пятидесятницы. С полной уверенностью и просветленной радостью могут они сказать: «Тьма проходит, и истинный свет уже светит» (I Иоан. 2,8).

Сегодня я хочу говорить только о самом отдаленном от Христа круге Его слушателей, о «мире», говорящем: «Никогда человек не говорил так, как Этот Человек».

Но раньше, чем говорить о Свящ. Писаниях или Библии — «о Книге книг», — мне хочется вам напомнить те доводы, которые часто приводятся с целью опровергнуть нашу уверенность, что Бог воплотил Свое откровение человечеству — в **Книге**. Людям, главным образом руководящимся своими созерцательными теориями и полагающимся на свой разум, этот способ откровения кажется странным и механическим. Рассмотрим, поэтому, почему Бог избрал книгу — каналом, проводником Своих мыслей и Своих предначертаний по отношению к человечеству.

Дар речи — вещь чудесная, чтобы не сказать — Божественная. Это такая способность, которой не одарена ни одна низшая тварь. На земле говорит один только человек, и мы не в состоянии отделить мысль и самосознание — от слов. Человек обладает способностью сообщать словами свои мысли и чувства другим людям. Пока, в древности, люди отличались долголетием, примеры которого мы находим в книге Бытия, все выдающиеся мысли, важные события и факты передавались следующим поколениям из уст в уста, сохранялись в виде преданий. Но очень скоро люди убедились в необходимости закреплять свои слова каким нибудь таким способом, чтобы они оставались неизменными и удобопонятными на долгие времена. И каким благодетелем рода человеческого является изобретатель письменности! Благодаря письменности сделалось возможным уловлять, увековечивать мысли; но кроме того мысли еще получили тогда и крылья, с помощью которых им дано переноситься чрез все века и передаваться всем народам земли. Без письменности человечество почти не могло бы итти вперед в своем развитии; развитие отдельных личностей было бы крайне затруднительным, развитие общественное свелось бы почти на нет.

Здесь снова нас поражает следующий факт: некоторые из древних народов изображали свои мысли письменами, имевшими значение для зрения; они напоминали глазу, своими очертаниями, предметы и действия, о которых шла речь. Но передача мыслей посредством азбуки гораздо удобнее; действуя на глаз, азбука оказывает свое влияние и на слух, причем всякая буква соответствует известному звуку. Первый род письменности был несомненно известен патриархам, Моисею и современному ему народу израильскому. И вот мы встречаемся с удивительным фактом, что египтяне, вавилоняне и ассирийцы, народы несравненно более многочисленные, образованные и сильные, нежели евреи, серьезно заботясь об увековечении самих себя и своей истории, создали для этого огромные, колоссальные памятники, испещренные таинствен-

ными изображениями. В течение долгих веков оставались эти письмена непонятными миру, и приводили в недоумение ученых [1]); и, рядом с этим, всеми тогда презираемый народ — еврейский — сумел с самого начала запечатлеть свою историю в ряде книг, сжато, верно и удобопонятно, и все образованные народы земли, во все времена, имели возможность ознакомиться с его историею. Наши дети, и дети большинства европейских народов, узнали эту историю раньше, чем они познакомились с историей своей собственной страны. Поэтому, когда Бог говорил: «Напиши в Книгу»; когда мы видим, какое важное значение придавал наш Спаситель и все апостолы тому, что было написано, и когда апостол Иоанн (Откр. 1,11) опять получил приказание «Напиши в Книгу», не приходим ли мы к заключению, что Бог действовал в этом отношении не только с глубокою премудростью, но и с отеческой любовию, идя на встречу нуждам человечества?

Но это еще не все. Мы видим, что Ветхозаветные книги писались постепенно, по мере того, как развивалась Ветхозаветная история. Освобожденный от рабства Израиль, судами Божиими выведенный из идолопоклонства, сосредоточил теперь всю свою религиозную и умственную энергию на Свящ. Писании, на законе и учении, ему дарованном Богом; с величайшим благоговением и с самой тщательной точностью собирали израильтяне и хранили в неприкосновенности священные письмена. Но Книги были написаны по-еврейски, и находились в Палестине, на отдаленном краю мира; если они предназначены для всего мира, кто же их издаст, чтобы они сделались достоянием всех народов? И вот восстал удивительный всемирный завоеватель— Александр Великий, — светлый метеор, быстро промелькнувший на земле; он совершил великое дело, насадив греческую культуру и введя греческий язык— в Азии. Таким образом создается мост, соединивший евреев и Палестину со всем прочим миром. Греческий язык должен был сделаться всемирным языком; и вот, по плану Божию, вследствие многочисленности евреев в Александрии и в окрестных странах, еврейский подлинник Библии был переведен на греческий язык семидесятью толковниками. Таким образом была достигнута двоякая цель: во-первых — Писания Божии были теперь переведены на язык общеизвестный, употребляемый чуть ли не всеми народами земли; во-вторых — этот язык, — греческий язык, — оказался особенно удобным для передачи мыслей, доселе неизвестных ни грекам, ни какому бы то ни было иному народу, мыслей, связанных с Новым Заветом; это были идеи о смиренномудрии, о благодати, о Боге; позднее евангелисты и апостолы воспользовались греческим языком, чтобы провозгласить весть о спасении всем народам земли. Когда таким путем создалась эта «Книга», Ветхий Завет, стараниями евреев, Новый Завет стараниями первой Церкви, — тогда началась ее история среди всех народов. И мне хочется особенно подчеркнуть тот именно факт, что, если мы имеем в настоящее время эту книгу, как книгу

---

[1]) В отчете о великом открытии клинообразных надписей Тел-Эль-Амарны, открывший их проф. Зейсс прочел в 1889 году в институте Виктории следующее: «Только теперь узнаем мы, на какой высокой ступени, в смысле образования, стоял этот древний мир. Узнаем мы также из этих открытий, как неосновательно было мнение критиков относительно Ветхого Завета. Ученые критики пришли к молчаливому соглашению, что письменность была не только редкостью во дни Давида, но едва ли была и известна в Палестине. В виду этого,— утверждали критики,—нет основания придавать значения древне-еврейским рукописям: они не достоверны, потому что могли быть написаны только позднее, в тот период, когда факты, в них описываемые, перешли уже в предание и миф. Это мнение критиков оказалось совершенно несостоятельным. Гораздо раньше Исхода Ханаан имел уже свои библиотеки, своих писцов, свои школы и своих литераторов и ученых. Местные летописи не были, правда, написаны финикийскими буквами на тленном папирусе; они увековечены на нетленной глине знаками клинообразного букваря.

живую среди нас, это поистине факт поразительный, потому что ни на минуту не прекращалось преследование ее.

Прежде всего подверглась эта книга преследованию языческого Рима. Тогда Библия безжалостно уничтожалась, а владельцы ее подвергались жестокому гонению. Особенно сильное гонение возникло в 303 году. Первые христиане высоко чтили Слово Божие. Первые наставники христианской веры увещевали их последовательно изучить все Слово. Ириней говорит: «Читай все Свящ. Писание, потому что написано: «От всякого дерева в саду ты будешь есть» (Быт. 2,16). Ориген говорит: «Вы не должны пренебрегать Ветхим Заветом, но изучать его наравне с Новым, дабы вы уподобились хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое» (Матф. 13,52). Поэтому, в первые века христианства на собраниях читались целые главы Свящ. Писания; а в виду того, что рукописи в те времена стоили довольно дорого[1]), богатые христиане тратили большие деньги для получения копий с текста Свящ. Писания, которые они раздавали неимущим членам Церкви. Часто христиане собирались у своих друзей и знакомых, чтобы вслух читать Свящ. Писание; и слушали они его с таким вниманием, что по словам Евзебия, один из руководителей египетской церкви, Иоанн, мог произносить наизусть не только главы, но целые части Слова Божия. Язычники видели, что эти Писания составляли главную силу ненавистного им учения, и потому был издан эдикт Диоклетиана, по которому многие рукописи Свящ. Писаний были сожжены, а те верующие, у которых они были найдены, были присуждены к ужасной, мучительной смерти; такая участь постигла между прочим и двух епископов. Впоследствии, римские папы также преследовали Свящ. Писание, но делали они это, главным образом, так: они не допускали, чтобы народ читал его целиком, и давали только отдельные части его; так что в течение многих столетий Слово Божие оставалось неизвестным людям; легенды и предания составляли тогда почти единственную пищу человеческого ума. Когда Мартин Лютер освободил из под власти Рима Свящ. Писание, переведя его на народный язык и разослав по всему миру, — что можно было сделать, благодаря изобретенному к тому времени, по милости Божией, книгопечатанию — тогда начало распространяться учение Лютера; оно раскрыло смысл Писаний, провозгласив оправдание верою в Господа Иисуса Христа. Тогда европейские народы с радостью начали прислушиваться к небесному голосу.

Не удивительно ли, что может в наше время существовать Общество распространения Свящ. Писания? Один выдающийся философ, много лет тому назад, будучи председателем на одном из заседаний этого Общества, сказал замечательную речь, в которой доказал важное значение Библейского Общества; он сказал, что оно является как бы воплощением принципов реформации пред лицом всех народов; что Библия составляет достояние всех людей и доступна пониманию каждого; и что в Церкви Христовой все члены находятся в непосредственном общении с Самим Богом. Библейское Общество издало более 312.000.000 экземпляров Библий, и перевело ее на 350 языков и наречий, из которых — и это весьма знаменательный факт — многие в начале столетия не имели своего алфавита и ни малейшего намека на литературу. Нам трудно даже себе и представить, как важно было создать для народа азбуку, положить начало его литературе и начать ее именно с «Книги книг». А это было выполнено целых семьдесят раз. Какой это великий подвиг! Церковь римская гордится тем, что она у множества народов

[1]) Уже в период существования первой Церкви было много переписчиков с греческого латинского текста, как вообще, так и в самой Церкви.

земного шара служит обедню на мертвом латинском языке, ничего не говорящем человеческому сердцу; евангельское христианство пошло вперед, переживая чудо Пятидесятницы и являя всеобъемлющее человеколюбие великого нашего Бога и Спасителя.

Книга эта полна интереса, как для врага, так и для друга. Никогда Библия так тщательно не изучалась; никогда она не вызывала к себе столько интереса всех людей вообще, а христиане никогда не стремились постичь плана Божьего, в ней заключающегося, как именно в настоящее время. Действительно это—Книга **живая**.

Но я однако коснулся только внешней стороны этого важного вопроса. А дело это так близко нашему сердцу, что необходимо поглубже вникнуть в него, чтобы факты эти запечатлелись в нашем уме. Ни одну книгу не можем мы сравнить с этой, столь привлекательной своей простотой, книгой.

Книга эта—книга восточная, но, как это было отмечено давно Вильямом Джонсом, все прочие книги востока, как поэтического, так и философского содержания, нуждаются в переделке; иначе они остаются непонятными и неоцененными народами запада. Приходится в них многое сокращать, многое видоизменять. Как же случилось, что эта Книга Востока овладела умом, главным образом, потомков Иафета,—народов западных? Почему эта восточная Книга, куда бы она занесена ни была, в Гренландию ли или на Мадагаскар, в Южную ли Африку, в Северную Азию или в центральную Индию, так сильно говорит уму и сердцу людей?

Недавно я читал отчет одного миссионера в Индии; он рассказывает, что однажды, после того, как он прочел на собрании первую главу послания к Римлянам, где описана сущность языческих верований, присутствовавший при этом брамин встал и сказал: «Это описание относится к нам». Он понял, что слова эти обрисовывали душевное состояние народа, к которому он сам принадлежал. Эта Книга относится ко всем народам, ко всем национальностям. У всех народов она сделалась книгою домашнею, настольною; она завоевала сердца всех.

Вспомним ее прошлую историю. Всемирное ее значение доказывается тем фактом, что она была переведена на столько языков. Чем является Библия немецкая? Она считается в Германии образцовым произведением литературы. Все немцы, все равно — верующие или неверующие — католики или протестанты, согласны в том, что, переводя Библию на немецкий язык, Мартин Лютер преобразил этот язык. Существовавший до него немецкий язык как бы обновился в силе; нет, больше этого: он оживился, заблистал меткими выражениями, раньше ему чуждыми. Всякий оборот речи, всякое выражение переведенной Лютером Библии дышет германизмом, как бы вырываясь из глубины сердца германцев. Не то же ли самое относится и к Библии на всяком из современных языков? Как же так случилось, что эта еврейская Книга становится и настоящею русскою и настоящею немецкою книгою? Это потому, что она говорит к сердцу всего человечества. Подумайте, на какое множество людей оказала она влияние в прошлом. Если вы себе в этом не дадите ясного отчета, вспомнив произведения Мильтона, Шекспира и других выдающихся писателей, вы не составите себе верного представления, насколько библейские рассказы, библейские истины, библейские уподобления, библейские обороты речи вошли в плоть и кровь всемирной литературы. Всюду встречаете вы термины и выражения, заимствованные из Библии.

И я уверен, что все, на основании своего личного опыта, присоединятся к моему мнению, что, если мы слышим речь самого блестящего оратора, или читаем статью, где встречаются самые тонкие и меткие суждения, и если в этой речи или статье приводится хотя бы одно библейское изречение,—это

одно изречение оказывается среди всех блестящих красноречивых выражений самым блестящим; оно сказывается глубже всего глубокого, и овладеет умом, и западет в сердце человека глубже и сильнее всего.

Вспомните великие умы, подчинившиеся обаянию этой Книги; я говорю о Лейбнице, Мильтоне, Лорде Бэконе, Паскале, Фарадее, Ньютоне, Локке, о метафизиках, естествоиспытателях, поэтах и философах. Я привожу этот факт не для подтверждения истинности Библии: не мудрость и не ученость этих людей, а откровение Духа Святого дало им уразуметь скрытую в Свящ. Писании истину; но факт этот доказывает, что, хотя многие умные люди и отвергают Библию,—не мудрость и не ученость их побуждает их к этому; точно так же, как не мешает мудрость и ученость другим людям принимать в сердце библейскую истину.

Напомню и о другой, еще более многочисленной категории людей, для которых Библия сделалась особенно дорогой сердцу. Странно, что нет на свете книги более любимой детьми, чем Библия. В одной из своих речей Хекслей высказывает удивительную мысль, что хотя он вполне стоит за светское воспитание, он никак не может придумать, чем можно для детей заменить Библию, потому что ни в одной книге самые возвышенные, самые чистые и облагораживающие сердце мысли не выражены так понятно и так привлекательно для детского ума, как в Библии. Профессор Сент-Илер пишет: «Я путешествовал по северу и югу, изъездил восток и запад, и был поражен тем фактом, что во всех странах, в которых Библия читается, существует и литература для детей и рабочих; в тех же странах, где чтение Библии не практикуется, как в Италии, даже и во Франции, не существует хороших книг ни для детей, ни для бедного люда. Где можно найти историю, где можно найти рассказы, где можно найти изображение выдающихся характеров, где можно найти столько назидания и поэзии, как не в Библии? Язык ее—язык всемирный. Она подобна солнцу, освещающему все страны».

Поэты особенно оценили возвышенный дух Библии. Гёте, из ряда вон выходящий представитель современной мысли, сказал: «Как бы мир ни преуспевал в своем развитии, как бы ни подвигались вперед все отрасли человеческих изобретений, ничто не заменит Библию,—эту основу всякой культуры и всякого воспитания».

Обратите внимание на слог Библии, потому что всякая книга имеет свой стиль. Каков же стиль Библии? Описать его трудно, но всякий из нас его себе ясно представляет. Как верующий, так и неверующий человек сознает простоту, полную объективность, беспристрастие ее повествований, силу, ясность, привлекательность, чистоту библейского слога. Где найдете вы во всей литературе рассказы, подобные истории Авраама, приносящего в жертву Исаака на горе Мориа, или повествованию о воскресении Лазаря, или об Иосифе, открывающемся братьям своим? Или возьмите все евангелия, в которых нигде, ни на одну минуту, не выступает наружу личное чувство их составителей... Вдумались ли вы когда-нибудь в содержание 22-го Псалма, в шести кратких стихах дающее перечень всех периодов человеческой жизни? Псалом этот, подобно маленькому соловью, облетел все страны земные, всюду издавая свою неподражаемую мелодию, западающую в сердце и приносящую мир и утешение душе. Думаете ли вы, что все поэты земные, хотя бы они этому посвятили всю свою жизнь, в состоянии были бы сочинить такие шесть стихов? Да, поистине неподражаемо прекрасен слог Библии.

Я приведу вам отзыв о Библии знаменитого знатока стиля, одного из величайших лирических писателей. Будучи истинным знатоком, он почувствовал всю красоту Библии и, как артист в этой области, он понял, какая глубокая пропасть отделяет все, что дает искусство человеческое, от этой книги. Вот

слова Гейне, этого бесспорно-гениального человека, который долгие годы оставался пантеистом: «Что за Книга! Она велика и обширна, как мир; она выросла из глубин сознания и достигает таинственной синевы небес. Поистине это Слово Божие, тогда как все остальные книги являются только произведениями талантливых людей. В Библии нет и тени искусственности. Стиль ее выше всякой критики». Этот человек верно постиг тайну слога Библии. Как природа выше подражания и искусства, так Библия выше всякой литературы. Видя искусственную розу, вы восклицаете: «Как она похожа на настоящую, живую розу!» При виде же настоящей розы вы говорите: «Как она хороша, какой аромат!» Как природа выше искусства, так вдохновение выше природы. Человек гениальный выше человека заурядного. Он—сам себе закон. Его слова, его картины, его статуи—его создания. Но как ни велика разница между гением и обыкновенным смертным, она ничто, в сравнении с разницею между человеком, в котором Дух Святой зажег Свой огонь и чрез которого глаголет Дух Бога Всевышнего,—и самым великим и блестящим гением. В Слове Божием мы слышим глас Божий, хотя и передаваемый голосом человеческим; и все, верующие и неверующие, должны сознаться: «Никогда человек не говорил так, как Этот Человек»! «Никогда книга не была написана так, как эта Книга».

Перейдем теперь от внешней формы к сущности Библии. Ни одна книга в мире не представляет собою столько интереса человеку, как Библия. Что на свете ново? Что старо? Люди часто глубоко ошибаются, смешивая то, что «современно»,—с «новым»; потому что существует много современных вещей, которые тысячу раз существовали уже раньше, и затем исчезали, а теперь снова ожили, как тени, не имеющие плоти и жизни в себе самих; а рядом с этим есть вещи старые, но полные жизни, потому что они вечны. Во многих отраслях знания мы не можем не видеть прогресса. Один факт подтверждается другим, один опыт следует за другим: и так постепенно один ряд камней ложится на другой, а все здание высится и растет. Но в вопросах, нас глубоко интересующих, прогресса не существует. Вопросы, которые люди задавали себе во дни Ноя, задает себе человечество и теперь; и человек, не признающий откровения свыше, ни на шаг не подвинулся вперед в деле разрешения этих вопросов. Мы вполне уверены в той истине, что сумма трех углов треугольника равна двум прямым; нет также и сомнений в правильности астрономических вычислений касательно небесных тел; но какая польза от таких знаний—женщине или ребенку, пораженным страданием или ожидающим смерти? В Библии же заключаются вопросы, касающиеся вещей для всех нас самых существенных, относящихся к нашей духовной и вечной жизни: и потому, независимо от того или другого оборота истории, независимо от большего или меньшего преуспеяния науки, Библия никогда не потеряет своего жизненного интереса и никогда не устареет.

Существует такой рассказ об одном из полководцев Фридриха Великого: это был человек, вполне убежденный в богодухновенности Библии, и Фридрих Великий часто обращался к нему с вопросами, отчасти, чтобы привести его в замешательство, а отчасти, чтобы и объяснить самому себе тот или другой факт. Однажды он его спросил. «Отчего, скажите мне, вы всегда ссылаетесь на Библию?» На это генерал Шмидт дал, по моему мнению, прекрасный ответ: «Потому что Библия свидетельствует мне об Отце, ведущем счет волосам головы моей; потому что Библия содержит в себе откровение о Спасителе, Который Кровию Своей искупает всякий мой грех, и потому что Библия показывает мне небо, где меня ожидает вечная и блаженная жизнь».

Теперь приведу вам свидетельство германского пантеиста, знаменитого Штрауса, не признававшего личного Бога, и во время своей предсмертной

болезни сказавшего своим друзьям: «Я ухожу из этого мира, как колеблющееся пламя догорающей свечи». В одном из своих последних сочинений он так объяснил силу христианской веры: «Страдание, причиняемое нам сознанием наших ошибок и угрызениями совести, облегчает христианство. Благодаря его учению об искуплении грехов верою, — отчаяние, овладевающее нами при мысли, что мы являемся жертвами слепого случая—исчезает, потому что мы отдаемся под защиту десницы Провидения; мрак туманной ночи нашего земного бытия просвещается надеждою на бессмертное небесное блаженство». Это именно то, что сказал бы и верующий христианин на основании опыта, который находит подтверждение в Библии. Неверующий философ находит, что удовлетворение запросов своего сердца и совести человек может найти только в христианском вероучении. Мы не можем иметь мира, не веря в Отца, нас любящего и о нас пекущегося, без Спасителя, снявшего с нашей совести бремя греха, без ожидания вечного блаженства, без надежды, которая «не постыжает».

В заключение скажу несколько слов о Господе Иисусе, причем предлагаю вам найти в Библии то, о чем я буду говорить. Иисус, родившийся в Вифлееме, выросший в Назарете, не учившийся ни в одной из современных Ему школ, отвергнутый фарисеями, осмеянный саддукеями, распятый, умерший, погребенный,—Иисус жив! Матери и в наши дни приводят к Нему детей своих. Грудные дети Ему поют: «Осанна!» Бесчисленное множество трудящихся и обремененных идут на Его зов: «Придите ко Мне». А избранные Божии восклицают: «Ты Христос, Сын Бога живого! К кому нам итти? Ты имеешь глаголы вечной жизни». **Аминь.**

---

* * *

Творец благой, премудрый, вечный!
Тебе,—что дышет и живет,—
Весь мир созданий безконечный
Хвалу немолчную несет.
Тебе цветов благоуханье,
Простор полей и шум лесов;
Пустынь смиренное молчанье
Дыханье буйное ветров.
Зари румяное сиянье,
Журчанье тихое ручья,
И хоры птиц, и льва рыканье,
И труд пчелы и муравья,—
Весь мир земной, весь мир небесный
Тебе, Творец, хвалу несет!
Тебе молюсь я с упованьем;
Я — горсть ничтожная земли
Твоим бессмертная дыханьем. —
Ты и моей хвале внемли!

N. N.

ТИХИЕ БЕСЕДЫ О МОЛИТВЕ *).

С. Гордон.

III. Как следует молиться.

4. Воля Божия в связи с молитвой.

„ПРИШЕЛ К СВОИМ“...—Вся **цель** молитвы человека заключается в **содействии его исполнению воли Божией.** Как странно положение Бога в Его собственном мире! Никого так не злословят, как Его. Он приходит к Своим, а они не впускают Его в дом; и Он стоит у двери с посохом в руке, а они недоверчиво на Него смотрят изнутри чрез дверную скважину—и не решаются впустить!..

Некоторые из нас не хотят всецело поручить Богу свою жизнь. Почему это? Оттого, что мы боимся. Мы боимся, чтобы Бог не послал нам какого-либо горя, или не положил какой-нибудь преграды на нашем пути. Мы боимся Бога, потому—что мы Его **не знаем.** «Да **знают** Тебя, Единого Истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Иоан. 17,3),—вот великое прошение, излившееся в молитве к Богу, из сердца Сына Его, непосредственно пред Его страданиями.

Чтобы понять волю Божию, необходимо понять **характер** Бога, понять Его **Самого.** Приведу вам пять общеизвестных слов, которые могут вам дать представление о Боге. Слова эти самые обыкновенные, самые употребительные в повседневной нашей жизни.

Первое из этих слов—**отец.** С этим словом у нас связано представление о силе, о силе, соединенной с любовью. Отец устраивает жизнь своих детей, заботится о их нуждах, охраняет и защищает их. Не всем отцам присуща доброта; но если в жизни своей вы имели случай знать идеального отца, представьте теперь его себе. И затем подумайте о том, что Бог есть отец, но отец бесконечно более совершенный, чем самый идеальный отец, которого вы когда-либо знали. Он желает **устроить** вашу **жизнь,**—я не говорю в эту минуту о жизни на небе,—устроить ее **здесь,** на **земле.** Он, как самый любящий отец, печется о жизни любимого своего сына.

Второе слово еще лучше первого: **мать.** Если слово отец однозначаще с словом «сила», мать есть олицетворение любви,—любви великой, долготерпеливой, чуткой и неизменной. Чего ни готова мать сделать для своего ребенка? Она ведь уже прошла чрез «долину тени смертной», чтобы дать ему жизнь, прошла с любовью и с радостью... И, если бы это понадобилось, она готова пожертвовать собою для сохранения этой жизни.

Вот что такое мать. Вспомните идеальную мать, если вы когда-либо такую знали. У меня лично в сердце возникают самые благословенные воспоминания в этом отношении... Затем дайте себе отчет в том, что на страницах Библии Бог часто Сам Себя сравнивает с «матерью», хотя, конечно, ни одна самая идеальная в мире мать не сравнится с Ним...

«В тени крыл»—выражение, представляющее материнскую любовь Бога к нам. Птица собирает под крылья птенцов своих, чтоб согреть их теплотою своего тела и защитить от всякой опасности.

В Боге соединена вся сила отца с нежной любовию матери (Ис. 49,15). Он желает для нас того, чего хочет любящая мать ребенку своему.

Третье слово—**друг.** Произнося это слово, я не имею в виду те отношения со множеством людей, которое мы часто называем «дружбой».

*) См. Христианин № 9 за 1927 г.

Некоторые люди из любезности называют всех знакомых «друзьями». Мы склонны считать друзьями всех, кто не объявил себя нашим врагом. Не я говорю о дружбе в ином, более возвышенном смысле. Друг истинный любит нас—ради нас самих, любит неизменно, не требуя с нашей стороны ничего, даже не ожидая нашей любви к нему.

Пословица говорит, что «знакомыми хоть пруд пруди, друзья—наперечет». Если у вас есть один или два истинных друга, это уже большое счастье для вас. Представьте-же себе самого лучшего друга, которого вы когда-либо встречали и помните, что Бог есть Друг, но друг несравненно лучший, чем какие бы то ни было друзья на свете. Согласно Своему к вам благоволению, Он начертал и план вашей жизни...

Четвертое слово—то, которое встречается в Песне Песней,—**возлюбленный**. Когда знакомство перешло в дружбу, эта дружба в свою очередь может перейти в святую любовь. Чего не сделает жених для невесты своей? Она становится центром его жизни. Все, что касается ее—дорого ему. А невеста, в свою очередь, готова променять свое богатство на бедность, ради того только, чтобы не расставаться с «возлюбленным» своим, и жить его жизнью. Таковы и наши духовные отношения к Богу. И воля Его, план «Возлюбленного» нашего для вашей и моей жизни, свидетельствует о беспредельной любви Его к нам.

Пятое слово заключает в себе понятие еще более высокое, чем слово «друг»: это слово—**супруг**. Оно обозначает самое близкое единство между людьми, которое только возможно на земле. Людям слово «супруг» не всегда говорит так много, как слово «возлюбленный». Человек часто искажает планы Божии; он часто выбрасывает зерно и дорожит одною лишь пустою скорлупою. В мыслях Божиих «супруг» больше «возлюбленного». Он еще нежнее, заботливее, вернее. Две жизни соединяются, становятся жизнью единой. Две воли делаются волею одною. Два человека,—но цель у них одна: двойственность в единстве. Припомнив идеальнейшего супруга, которого вы когда-либо встретили, помните, что Бог—супруг (Ис. 54,5), но супруг бесконечно более нежный, чем мы можем себе представить. Он желает самого лучшего для подруги Своей жизни.

Не начните, прошу вас, теперь рассуждать об этих словах так: «Это слово мне не нравится», или «это определение Бога мне непонятно». Вы не должны лишать Бога всей Его полноты, не должны урезывать часть Его характерных свойств, приравнивая Его к нашему узкому пониманию. Вы должны вдуматься в значение всех этих пяти слов в отдельности, а затем поставить их все вместе, чтобы составить себе верное представление о Боге. Бог есть все, что они выражают, и больше всего этого.

Бог имеет для нас такое большое значение, что если мы хотим нашим человеческим языком выразить его, то невольно приходится употреблять для этого сравнения с тем, что нам на земле дороже всего.

Он—отец, мать, друг возлюбленный, супруг. Я не привожу всех тех мест, где в Библии Бог обозначается этими словами. Вы сами должны вспомнить, что мест этих—множество.

И воля Божия для нас есть предначертание Бога, совмещающего в Себе все пять степеней близости к нам. План Божий касается нашего тела, здоровья и силы, нашей семьи и домашней жизни, нашего имущества и наших занятий, избрания себе лучшего в жизни друга, нашего служения, нашего хождения путями Господними; он касается всей нашей жизни и жизни всех смертных. Все с нежностью, с заботливой любовию наметил для нас Бог. Не предусматривает-ли мудрая мать все нужды, все потребности, все желания своего сына? То-же делает для нас Бог.

ЕДИНАЯ ЦЕЛЬ МОЛИТВЫ.—Вся цель молитвы заключается в том, чтобы воля такого Бога, каким мы Его только-что себе представили, **совершилась** в нашей жизни и на нашей земле. Величайшая молитва, какую мы можем возносить Богу: «Да будет воля Твоя!» Молитва эта приносится в тысяче различных форм, дополняется тысячами различных подробностей, по мере возникновения наших разных повседневных нужд. Но всякая истинная молитва всегда сводится к этим четырем словам. Не существует ничего из желаемого вами, о чем «воли» Божией не было бы еще раньше, о чем Бог уже не подумал-бы еще до того, что вы Его попросите, и к чему не присоединил бы, вероятно, и еще чего либо хорошего. Это не значит, что надо, скрепя сердце, взывать к Богу, говоря: «Дай мне с покорностью **переносить** волю Твою: мне трудно исполнять ее, но я постараюсь с ней примириться, как это подобает христианину; помоги мне преклониться перед нею».

Это — не молитва. Не оскорбляйте Бога, молясь так. Человек имеет превратное представление о Боге и потому обвиняет Его во многих невзгодах и бедствиях, к которым Он вовсе не причастен. Бог постоянно извлекает самое лучшее для нас из окружающих нас обстоятельств. Ему приходится иметь дело со многими, самыми разнообразными, проявлениями упорной человеческой воли. С беспримерным терпением, с дивным уменьем, и чуткостью— успешно распутывает Он запутанный непокорною волею человека моток жизни его...

При всем этом полезно нам помнить, что существуют по отношению к нам как бы **две** воли Божии—«первая» и «вторая». Было бы хорошо, и угодно Богу, если бы «первая» воля Его исполнилась в нас. Но, если мы не способны бываем подняться до той высоты, которая требуется, чтобы исполнилась эта Его воля,—Бог **нисходит** до нас; Он «поднимает» нас на такой уровень, который нам в данную минуту доступен, и—действует тогда вместе с нами. Это можно пояснить примером:

По отношению к израильтянам воля Божия «первая» заключалась в том, чтобы у них не было, подобно прочим народам, царя-человека: царем их должен был быть Сам Господь Бог.

Этим израильтяне должны были отличаться от других народов. Но они этого не захотели, а потребовали себе царя-человека.

И Бог дал им царя... Пасший некогда овец своего отца—псалмопевец-царь Давид был человеком «по сердцу Божию», и Спаситель мира произошел из рода его: таким образом—Бог извлек наилучшее из того положения, в которое, не желая повиноваться Богу, поставил себя народ по своему неразумию, и это наилучшее имело последствием своим—событие огромной важности. Назначение царя—из смертных, и царствование целого ряда за ним следовавших царей, повидимому, не входило в первоначальные планы Божии, не было «первой» Его волею для Израиля: это было уже волею «второю», Богом измененною, вследствие того,—что люди отвергли Его первую волю.

Повторяю: Бог всегда делает для людей самое лучшее из всего того, что только можно согласовать с собственной волей их.

По отношению каждого из нас «первая воля», Божия, относительно нашего тела состоит в том, чтобы тело наше было сильно и здорово. Но Бог хочет для нас кое-чего еще гораздо большего. И вот Он допускает, что часто мы бываем немощны телом, что мы болеем; потому что, при существовании в нас нашей собственной воли, **только таким путем** может Он поднять нас на более высокую степень духовного развития, и извлечь из нашего своеволия лучший из всех возможных результатов.

Но в том случае, когда воля человека совпадает с волею Его, так-что высшая цель Божия может быть, без препятствия со стороны человека,

достигнута— тогда Господь и не посылает человеку таких испытаний, как болезни и немощи.

Существуют, главным образом, две вещи, которые изменяют первоначальную волю Божию относительно нас.

Прежде всего причиной такого изменения служит наше **нежелание** отдать всю нашу жизнь, — на волю Божию; а во-вторых, изменяют ее и самые обстоятельства жизни нашей. Каждый из нас является центром известного круга людей, круга, постоянно меняющегося. Если мы находимся в общении с Богом, Он **через каждого из нас** говорит с этими, окружающими нас, людьми. Свидетельствовать о Боге людям можем мы—опираясь на наш духовный и жизненный опыт, и при помощи Самого Бога. Чтобы обратить к Себе людей, Бог располагает многими средствами. Безмерно велико разнообразие Его приемов в деле привлечения к Себе душ!.. Но, как это ни странно нам может показаться,—Бог нуждается при этом и в нашей, человеческой, помощи. Мы можем Ему оказать содействие,—каждый из нас в своей обстановке. Нам надо гореть желанием—творить волю Его; и, вместе с тем, мы должны доверяться Ему, верить, что Он знает, чего именно Ему необходимо достичь в нас, и **через нас**—в окружающей нас среде. Он не тратит даром никакой силы. Каждая малейшая ее частица—сохраняется, и направляется к достижению определенной и великой конечной цели.

Мы часто ошибаемся, когда рассуждаем о **причине** тех страданий, которые нам посылаются: не понимаем мы **всего**, Им для нас преднамеченного, не видим конечных целей, и молимся о том, чтобы Бог избавил нас от того, что в данную минуту нас терзает... Иногда мы возносим об этом молитвы, если можно так выразиться—«логические». Логической молитвой я называю такое прошение, которое мы основываем на каком-либо изречении слова Божия, или на толковании его; мы слышали или знаем, что были люди, ссылавшиеся, молясь, именно на это обетование Божие; а следовательно,—рассуждаем мы,—нам также позволительно просить о том же.

Такая молитва успеха иметь не может. Молитва, внушенная Духом Святым, в противоположность молитве «логической», должна иметь совершенно другой характер: необходимо спокойно **принести** всю вашу жизнь, в молитве, Богу, и **понять Его волю относительно вас**, именно в той обстановке, которая вас окружает в данную минуту.

МОЛИТВЕННЫЕ «ВОЗДЫХАНИЯ» ДУХА СВЯТОГО.—В послании к Римлянам (8, 26—28) есть удивительное место, где говорится о молитве и воле Божией. «Также и Дух подкрепляет нас в немощах наших; ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно; но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными. Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле Божией».

Заметим связь между этими словами и предыдущими в 15—25 стихах. Дух Святой научает нас взывать: «Авва, Отче!»—т. е. учит обращаться к Богу, как к Отцу,—и, вместе с тем, помогает Он нам и молиться. По немощи нашей мы не умеем молиться, **как должно**. Молиться мы хотим, в желании недостатка нет, только нам не хватает уменья... Но Духу известно, чего мы должны просить. Он в совершенстве знает и волю Божию. Он знает, **о чем следует** нам молиться в тех или иных обстоятельствах. И дух этот пребывает в каждом из нас,—в вас, во мне. Он пребывает в нас, как дух молитвы. Он **понуждает** нас молиться. Он зовет нас в безмятежную тишину комнаты нашей для уединенной коленопреклоненной молитвы. Он внушает нам молитву, где бы мы ни были. Он возбуждает в нас мысли, на которые мы не находим ответа в самих себе... Мысли эти—мы и высказать не можем, потому что это не наши мысли. **Дух Святой молится в нас** с такою силою,

что выразить человеческим языком «воздыхания» эти — невозможно. Испытующий же сердца—Бог, внимающий этим «воздыханиям», - совершенно, в точности, знает, какие мысли внушает мне этот Дух молитвы и о чем Он без слов просит, ибо Бог и Он—одно.

Бог узнает в «неизреченных воздыханиях» этих—Свои собственные предначертания, цели и планы, вложенные теперь в воздыхания сердца человеческого Духом Святым.

Какая это замечательная, великая вещь, что **Святой Дух в душе нашей молится по воле Божией!** Он открывает нам эту волю, и Сам в нас молится об исполнении предначертаний Божиих для нас,—молится раньше, чем мы дорастем до того, чтобы понимать, **в чем** именно заключается для нас эта воля Господня.

Нам бесконечно важно—приобрести **чуткость** к голосу этого пребывающего в нас Духа. И, поэтому, лишь только ощутим мы в сердце своем желание молиться, будем послушны голосу Духа Святого. Даже, если мы не знаем в эту минуту, **чего именно** нам следует просить, пребудем в молитве в то время, когда Дух Святой **делает нас орудием Своих молений.**

Часто лучшей молитвой нашей,—о чем бы то ни было—бывает молитва следующая: изложив свое желание Богу, скажем так: «Дух Святой! ходатайствуй за меня о том, что Отцу угодно совершить!.. Отче! то, о чем за меня ходатайствует Дух Святой,—есть молитва, мною приносимая во имя Господа Иисуса Христа. Воля Твоя, то, чего желаешь Ты для меня,—да исполнится в эту минуту».

КАК ПОЗНАВАТЬ ВОЛЮ БОЖИЮ.—Нам необходимо **изучать** волю Божию. Мы должны приложить все наши старания, чтобы научиться распознавать ее. Чем больше мы будем знать о Боге, тем способнее будем понимать, в чем заключается Его воля.

Можно сказать, что у Бога имеется две воли для каждого из нас, или, вернее, воля Его заключает в себе две части: 1)—воля «благодатная» и 2)—воля «промыслительная».

Воля «благодатная» нам вполне ясно открыта в Слове Его. Она состоит в том, чтобы мы были спасены, были святы, чисты, и со временем прославлены в присутствии Его. Воля Божия «промыслительная» касается того особенного плана, который есть у Него для каждого человека в отдельности. Высшее стремление нашей жизни должно состоять в осуществлении именно этого плана Божия относительно нас. Бог открывает нам план Свой постепенно, и настолько, насколько нам необходимо его знать.

Если жизнь наша должна быть, согласно плану Божию, посвящена особому служению,—Бог нам это укажет, определив и род, и время, и место нашей работы. И далее будет Он указывать нам один шаг за другим.

Уменье распознавать волю Божию зависит от трех простых, но весьма важных условий.

1. Я должен пребывать **в постоянном общении** с Богом, чтоб духовный слух мой был открыт для голоса Его.

2. Я должен **творить волю Бога с радостью, именно потому, что это**—Его воля.

3. На третье условие я нахожу нужным обратить ваше особенное внимание. Многие, прекрасно выполняющие два первых условия, спотыкаются именно здесь, и часто падают именно по той причине, что не выполняют этого третьего условия: **слово Божие должно руководить моим суждением, и открывать мне Бога и волю Его.** Многие из нас не выполняют какого-нибудь из двух первых условий. Но еще больше таких христиан,—и христиан серьезных и ревностных,—которые падают именно потому, что не выполняют

условия третьего. Им недостает проверенного словом Божиим познания Бога и воли Его. Если бы мы, молясь, изучали Библию и **проникались** духом ее, мы правильнее бы судили о Боге.

Мы должны уразуметь всю широту мысли Божией; должны узнать Бога таким, каким Он Себя открывает в вечной Своей Книге. Людей «кротких», людей, отказывающихся от воли своей, чтобы исполнять волю высшую, Бог «научает путям Своим», т. е. внушает им верное суждение о Себе, и научает познанию воли Своей. «Направляет кротких к правде, наставляет кротких путям Своим» (Пс. 24, 9).

Таков был и взгляд апостола Иоанна в известном изречении его в первом его послании. Он говорит: «И вот какое дерзновение мы имеем к Нему, что, когда просим чего по воле Его, Он слушает нас, а когда мы знаем, что Он слушает нас во всем, чего бы мы ни просили, знаем и то, что получаем просимое от Него» (1 Иоан. 5, 14—15). Слова эти всецело согласуются с вышеприведенными словами апостола Павла из Римл. 8, 26—27.

Все это зиждется на предположении, что мы уже познали волю Божию относительно того, чего мы у Него просим. Основываясь на этом, мы можем молиться с дерзновением. Потому что, если Бог и я желаем одного и того же, тогда моя молитва **не может не быть принятою.**

МОЛИТВА.

Когда в душе тоска немая,
Иль со грехом опасна битва,—
Напрасно плачешь, унывая...
Одно лишь средство есть: молитва.

Когда житейскою волною
Надежда твердая разбита,—
Не унывай: Господь с тобою!..
Ему нужна твоя молитва.

Когда порою замечаешь:
Ты одинока и забыта,—
Напрасно, сетуя, страдаешь:
Отраду даст—одна молитва.

И если нет огня в служеньи,
На сердце тягостные муки,—
Почаще будь в уединеньи,
И воздевай в молитве руки.

И. Дзыгал.

ЗВЕЗДЫ.

«И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». — Иоан. 1,5.

Когда надвинут полог ночи
Над миром, скованном во сне,
Сверкают звезды,—Божьи очи,
Сапфиром ярким в вышине.

Создатель, мощью бесконечной,
Сиять во тьме им повелел,
Да знает мир, что Правды вечной,
Что Света мрак не одолел!

Да знает мир, что день настанет:
Воскреснет радостно восток—
И в эту тьму всесильно грянет
Лучей живительных поток!..

В. Величко.

ЧУДЕСА ПРИРОДЫ И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ *).

М. Кильбёрн.

5. Живоносный поток.

Тело наше полно жизни; живет всякий его член, всякий его орган; это мы знаем, видим и чувствуем; но самый **источник жизни**, поддерживающий тело и питающий его, остается для нас невидимым. Только иногда чувствуем мы его присутствие в себе; обыкновенно же он незаметно для нас течет в нашем теле, производя в нем жизнь, сообщая ему здоровье и силу.

Что же это за живоносный поток? **«Кровь—сила жизни.** Без крови невозможно никакое развитие, никакое отправление тела. Кровь, плодотворное начало жизни—непрестанно и безостановочно обращается в теле, оживотворяя его» (проф. Карл Фогт). Что такое кровь?—невольно спрашивает себя всякий, кому приходит мысль об этом «потоке жизни» и о чудесном его действии.

Кровь состоит из трех главных частей,—учит нас наука, сообщая нам при этом много интересного относительно этих трех ее частей. Она говорит нам о микроскопических красных тельцах, которые так малы, что в кубическом дюйме заключается их десять миллионов; и однако именно им поручена работа: привлекать в наше тело оживляющий его кислород, и в то же время удалять из него ядовитую углекислоту. Какая великая работа для таких крошечных образований!.. Рядом с **красными кровяными тельцами** плавают в крови их **белые** спутники—**лейкоциты.** Они—крупнее первых, обладают **самостоятельной жизнью**, способностью самостоятельного движения и видоизменения. Кто мог бы подумать, что, по всей вероятности, эти замечательные белые тельца являются защитниками организма, доблестными борцами, не на жизнь, а на смерть сражающимися с целыми полчищами бактерий, при различных заболеваниях во множестве проникающих в тело! Если им удается поглотить все бактерии, и этим путем их истребить,—болезнь побеждена, и жизнь тела вне опасности; если же, наоборот, бактерии их победят,—болезнь овладевает телом, и наступает смерть (Мечников)... Но вернемся к составу крови: третья ее составная часть—**кровяная плазма**, приводящая в движение и распределяющая кровяные тельца на бесчисленные места их назначения; сама она состоит из питательных **белковых** веществ.

«Кровь—это организм в растворенном виде, это **носитель жизни**», говорит проф. Фогт. Без этого потока жизни не может существовать ни одна клеточка нашего тела. Почему иногда слабеет какой-либо из наших членов, почему он не имеет энергии, или теряет ее? Потому что кровь не имеет возможности к нему доходить в достаточном количестве. Если бы мы вполне преградили доступ крови к какому-либо из наших органов, тогда, отрезанный от источника жизни, орган этот обречен был бы на смерть и разложение. Кровь несет организму жизнь, доставляя ему питание или, скорее, возмещая потраченные им вещества. Все составные части нашего тела—даже его мельчайшие атомы—изнашиваются, умирают, и должны заменяться новыми, подобно тому, как постепенно вянут, умирают и заменяются новыми—листья дерева. Кровь есть поток, приносящий отдельным органам тела новые вещества, вырабатываемые в теле из принятой им пищи. Таким образом органы тела освежаются и обновляются. Часто случается нам чувствовать себя после напряженной работы усталыми и ослабевшими; но, по истечении известного, проведенного в покое, времени, мы снова становимся свежими

*) См. „Христианин“ № 9 за 1927 г.

и энергичными. Откуда взялась обновленная сила и свежесть? Во время отдыха поток крови возместил органам нашим истраченный на работу материал, одновременно с этим освободив их от веществ, сделавшихся для них бесполезными, удалив эти вещества из тела. Всякой части организма,—как маленькой и незначительной, так и важной и выдающейся,—всякой из них кровь приносит именно то, в чем она нуждается, так что ни одна часть тела не ощущает нужды ни в чем.

Но чудесный поток крови является не только кормильцем и строителем тела; он также обладает и **очистительными свойствами**. Постоянно извлекает он из всех органов тела все испорченные вещества, и отводит их к органам,—как, например, к легким и почкам,—могущим так или иначе их удалить из тела. Если эта важная деятельность крови чем-либо задерживается, телу угрожает неминуемая смерть. И не только очистительную силу для тела имеет кровь;—она также его лучший и совершеннейший **врач**. Повреждено ли что-либо в теле,—туда именно с особенной стремительностью приливает кровь, доставляя в это место все необходимые целительные средства, помогая поврежденное—восстановить, порванное—связать, пораненное—исцелить.

Удивительна деятельность крови, но не менее удивительно то, что она течет **безостановочно**. День и ночь движется кровь, гонимая сердцем, по каналам, предназначенным для нее—артериям, капиллярным сосудам и венам,—течет с большой быстротою, и не обходит ни одной части тела своими дарами; ни минуты не дает она себе покоя, не знает она отдыха, и счастье для человека, что это так, потому что иначе ему пришлось бы проститься с жизнью. Всем клеточкам тела несет поток жизни силу, чистоту и исцеление.

«Жизнь тела в крови», вполне определенно учит наука; но тысячи лет тому назад, когда почти еще не существовало науки, истину эту провозгласила Библия. «Душа всякого тела есть кровь» (Лев. 17, 14). Именно потому, что не существует в мире ничего драгоценнее, ничего чудеснее этого потока крови, и избрал Иегова кровь—средством искупления человечества от греха; поэтому приносилась кровь невинных животных в жертву за виновных пред Богом людей, пока не пролилась Кровь Господа мира, принесшая, своею беспредельной ценностью, **вечное искупление** человечеству.

«Христос... со Своею Кровию **однажды** вошел во святилище и приобрел **вечное** искупление». «Не тленным серебром или золотом **искуплены вы**... но драгоценною Кровию Христа» (Евр. 9, 12; 1 Петр. 1, 18—19). Какая радость для нас, погибших грешников, знать, что мы **искуплены** от вечной гибели безмерно драгоценною Кровию Сына Божия! Что искупление это совершено раз навсегда; что оно имеет значение для всей вечности, потому что и ввечности не потеряет Кровь Христова своей силы, а цена ее превышает вину греха.

Но как всякое тело постоянно нуждается в очищении, так имеем и мы нужду не только в однажды совершенном искуплении, но и в **непрестанном очищении** душ наших от всякой нечистоты. «Кровь Иисуса Христа, Сына Его, **очищает нас от всякого греха**» (1 Иоан. 1, 7). Не чудное ли откровение заключается в этом изречении апостола? Как тело человека постоянно освобождается посредством крови от всякой нечистоты, так и душа, соделавшаяся живым членом «Тела Господня» (Ефес. 5, 30), очищается Кровию Христовой от всякого греха. Поток жизни, изливающийся от престола всегда с нами пребывающего Искупителя,—очищает нас от всякой духовной нечистоты, как кровь человека очищает тело его. «Кровь Иисуса Христа очищает нас **от всякого греха**». Будем всегда верить этой истине, и, как только грех готов овладеть нами, будем твердо уповать, что Кровь Иисуса Христа **удалит его** из нашего сердца, очистит нас, и дарует нам победу.

«Они победили его—искусителя—Кровию Агнца» (Откр. 12, 11). Если наша земная, человеческая кровь в состоянии победить все враждебные бактерии в теле,—на сколько же больше может Кровь Иисуса Христа победить все вражьи силы и злые намерения лукавого в «Теле» Его, которое есть Церковь.

Поэтому—будем ожидать победы над всяким злом силою Крови Христовой. Мы—совсем незначительные, несостоятельные и ничтожные; но, будучи членами Тела Его, мы можем быть уверены, что Кровь Его,—если мы верою открываем ей свободный доступ в сердца наши,—постоянно очищает нас от всякого греха; что незримый, чудодейственный поток жизни, исходящий от престола Сына Божия, сделает нас победителями, которым готовится «венец жизни».

6. Последствия непослушания.

Человек считает себя в безопасности; на самом же деле жизнь его всегда висит на волоске; в сущности он окружен опасностями, которые его всюду подстерегают, везде его преследуют и непрестанно ему грозят. Числа нет опасностям, могущим в самом недалеком будущем прервать нить его жизни! И однако,—за исключением немногих случаев,—ему удается избавляться от этих опасностей. Чем он этого достигает? Дает ли он себе в этом отчет?..

Послушание. Подчинением материи законам природы,—законам Божиим. Вся природа зависит от законов своих, подчиняется им. Послушание несет с собою порядок, красоту, силу и жизнь; непослушание—гибель и смерть.

В огромном расстоянии от земли движется Юпитер, необъятной величины мир. Он не носится произвольно в мировом пространстве, но следует, в полном повиновении, предназначенным ему путем, и таким образом нисколько не нарушает чудесного порядка нашей планетной системы. Измени он хотя бы незначительно свое направление, уступи он немного могущественной силе солнца,—и тотчас, вместо того, чтобы **около** солнца вращаться, он с быстротою молнии упал бы **на** него, все сокрушая и уничтожая на своем пути,—упал бы, и сам был бы уничтожен солнцем. Если бы он встретился, при этом роковом полете, с землею,—ужасные последствия этого столкновения не поддаются описанию. Самые сильные столкновения огромных пароходов или скорых поездов дают лишь ничтожное представление о тех гибельных последствиях, о том неописуемом треске, разрушении и бедствии, которое вызвало бы столкновение двух исполинских миров, все живые существа на которых при этом неминуемо погибли бы. Но не один только Юпитер угрожает нам опасностью, если б он сошел с своего пути: та же опасность грозит нам и со стороны прочих шести планет. Огромные пространства отделяют планету друг от друга, безусловное, полное повиновение каждой из них законам природы — имеет влияние на всю их систему, поддерживая в ней порядок и гармонию, тогда как уклонение от своего пути одного из многочисленных небесных светил погубило бы как его самого, так и все другие миры.

Но как ни велика опасность, грозящая человеку со стороны огромных небесных тел, она нисколько не больше той опасности, которая угрожает ему со стороны вещества,—на вид для него вполне безвредного,—если бы вещество это вышло из подчинения управляющим им законам. Человек имеет много дела с **водой**, и она кажется ему вполне безопасной, полезной, даже совершенно необходимой для жизни. Но надо помнить, что вода так благотворна для него только потому, что и она повинуется известным законам природы,—законам Бога.

Если бы кислород и водород, из которых состоит вода, не продолжали всегда оставаться химически соединенными, но самовольно освободились бы друг от друга,—вода разложилась бы на части, и обратилась бы в «гремучий газ»; и одной искры было бы достаточно, чтоб вызвать такой страшный взрыв, какого еще не было на земле, и который обратил бы океаны—в моря пламени, а землю—в огромную кучу пепла.

Тысячи опасностей грозят человеку извне, но так же разнообразны и многочисленны опасности, заключающиеся в его собственном теле. Если бы, например, сердце его перестало,—хотя бы в течение нескольких секунд,—выполнять свое назначение, оно не только этим убило бы себя, но и весь человек перестал бы жить. Если б его мозг не выполнял постоянно, с величайшей точностью, своей работы,—произошел бы паралич мозга, и настал бы конец силе и жизни человека. Если б легкие отказались на несколько минут от своей службы,—человек задохся бы; прекрати свою работу пищеварительные органы,—и человек умер бы с голоду.

Но не только **полное** прекращение деятельности органов человеческого тела причиняет непоправимое зло организму: даже и частичное замедление и несвоевременное исполнение органами своего долга приносят человеку вред, и вызывают опасные и часто неизлечимые болезни, разрушающие не только самые органы, но и все тело.

Как важно безусловное повиновение законам Бога, как бесконечно велики его благословенные последствия! Как ужасно, напротив, непослушание, как пагубны его последствия, какие важные и непоправимые бедствия навлекают они не только на виновных, но и на всех приходящих с ним в соприкосновение!

Для человеческого рода великое счастье, что материя не может самопроизвольно выходить из повиновения законам Божиим, потому что она лишена свободной воли. Человеку же эта свободная воля дана... Но на что он ее употребляет? Чтобы делать то, чего материя не делает: он употребляет ее на то, чтобы **не повиноваться** законам Божиим, и этим навлекает скорбь, страдание и гибель на себя и на других.

Почему земля полна горя и страдания? Потому что человек—нарушитель закона. Если уклонение от законов Божиих в материальном мире влечет за собою разрушение и несчастье,—как может проходить безнаказанно нарушение Божественных заповедей в мире духовном? Как печальны его последствия, показывает нам и Библия, и история.

Какое зло навлекло, например, непослушание Евы—на нее самое, и на весь род человеческий!.. Преступление воли Божией Аханом было причиною поражения всего Израиля, и погубило его самого и все семейство его... Грех Иеровоама повлек за собою гибель не только всего его рода, но и 10 колен Израилевых. Это читаем в Библии.

Всемирная история подтверждает нам эту истину. На страницы ее занесено описание надрывающих сердце последствий, поражающих род человеческий за неповиновение высшим законам. Сами мы не можем быть очевидцами подобных последствий, потому что глаза наши видят только настоящее, будущее же скрыто от взора нашего. В виду этого Спаситель снимает покрывало, скрывающее от нас грядущее, и являет нам ужасные последствия непослушания в жизни будущей. «Пошлет Сын Человеческий» говорит Он, «Ангелов Своих, и соберут из Царства Его... делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов» (Матф. 13, 41 42).

Это ожидает лишь тех, которые упорствуют в своем непослушании, и не отказываются от него. Так безнадежно погибли бы различные материальные тела, если бы не подчинялись законам Божиим.

Но род человеческий не погибнет бесследно: для него усмотрела любовь Божия путь спасения. Искупительная жертва Сына Божия дает возможность Отцу, не делаясь несправедливым и непоследовательным, простить людей, и изгладить все их беззакония с их ужасными последствиями,—если только сам человек исповедует свое непослушание, раскаивается в нем и от него отвращается. И многомилостивый Бог не только готов простить и изгладить непослушание: Он хочет еще и сделать преступающего законы Его—послушным Себе, хочет **дать ему сердце, «соблюдающее уставы Божии** и ходящее в заповедях Его» (Иез. 37, 24). Тогда перестанет непослушный наносить вред себе и другим непокорностью своею.

Не нарушаем ли и мы с вами, читатель, законов Божиих в том или другом отношении? Будем ли мы продолжать непослушанием своим наносить вред не только нашей внешней, но и нашей внутренней жизни, не отдавая себе отчета в величине этого вреда? Или же, вместо того, чтобы продолжать усугублять непослушанием нашим—страдание и скорбь в мире, попросим мы милосердного Бога простить нам прошлое непослушание наше, моля Его—силою Духа Святого выполнить на нас обетование Свое, чтобы мы «ходили в заповедях Его и соблюдали уставы Его?»

* * *

Внемли мольбе моей, Спаситель!
В тяжелый час борьбы земной
Душой стремлюсь в Твою обитель;
Мой чудный Врач—души Целитель!—
Дай мир святой душе больной.

Как жалкий раб, как злой преступник,
Я пред Твоим судом стою!
От воли я Твоей отступник,—
Но знаю я: — Ты, мой заступник,
Сотрешь с меня вину мою.

О, знаю я, что терны снова
Тебе в чело я сам вонзил.
О, Пастырь мой, моя основа!
Душа моя страдать готова
За Кровь Твою, что Ты пролил!

Прости, прости меня, Спаситель,—
Любовию исполни Сам.
Души моей ведь Ты Хранитель.
О, Иисус! Я, как проситель,
Молю Тебя — войди в мой храм!

Так пой, мой дух, лишь песнь хваленья
На всех земных путях моих,
За дивно-чудный дар спасенья,
И помни день грехов забвенья,
Когда Господь развеял их!

Н. Н.

ПРАВДА ЖИЗНИ.

Друг! Не бойся насмешек презренья,
Что в удел тебе будут даны
За бесстрашные лжи обличения,
За течение против волны;
За всю жизнь, с веком тьмы несогласную,
За жизнь чести, труда и любви —
Эту проповедь долга безгласную...
И той мыслью себя вдохнови,
Что идешь по стопам ты Подъявшего
За людей вольный крест клеветы,
И до смерти за то Пострадавшего,
За что терпишь презренье и ты.
Как скала среди волн непреклонная,
Посребренная пеной морской,
Как маяк, как твердыня безмолвная,
Правда жизни царит над толпой.
Но хотя бы толпа ослепленная
Пригвоздила тебя ко кресту, —
Стой, как жертва на смерть обреченная:
Буди верен до смерти Христу!

N.

РАБОТА НАД ДУШАМИ.

Д. Мооди.

Личная работа над отдельными душами есть дело величайшей важности. Даже и определить невозможно—сколько людей было потеряно для Царства Божия только оттого, что на них во-время никто не обратил внимания, что некому было заняться ими, помочь им разрешить некоторые вопросы духовного порядка, которые встали перед ними после первой услышанной ими проповеди Евангелия.

Необходимо, чтобы проповедники во всех общинах обратили на это внимание.

Люди „обращаются", обыкновенно, не под влиянием проповеди: они обращаются ко Христу, большей частью, на таких собраниях, где работают над „пробужденными". „Пробуждены" они, быть может, проповедником, но обыкновенно Господь употребляет еще и другого человека, чтобы указать им путь к спасению и привести их к решению отдаться Христу.

Если вы заметите на собрании человека, который, повидимому, тронут и встревожен тем, что только-что услышал,—то не приглашайте его любезно к себе на квартиру в какой нибудь из следующих дней, чтобы побеседовать: к тому времени впечатление, полученное им сегодня, успеет уже, может быть, изгладиться. Лучше беседуйте с ним в тот же вечер,—раньше, чем диавол успеет похитить доброе семя из сердца его.

Где проповедуется Евангелие, там следует ожидать немедленных результатов. И, если бы всегда практиковалось так, как мною выше сказано, то Церковь Господня находилась бы под постоянным действием благодати.

„Когда же собрание было распущено, то многие иудеи и чтители Бога, обращенные из язычников, последовали за Павлом и Варнавою, которые, беседуя с ними, убеждали их пребывать в благодати" (Деян. 13, 43)... Какой успех имели бы Павел и Варнава, если бы они благословили своих слушателей и отпустили бы их домой, не побеседовав с ними?..

Просто хочется плакать, когда подумаешь, что в Церкви христианской существуют тысячи таких членов, которые совершенно не способны содействовать распространению Царства Божия! Они обо всем умеют говорить, во всем знают толк: и в политике, и в работе, и в деле благотворительности; но когда попросят их указать путь в Небесное Царство—они становятся в тупик, и отвечают: „Ах, это сложный вопрос... Как я могу его решить?.. Спросите проповедников.

Вот это-то и плохо, что рядовой христианин в этих вопросах не разбирается. Именно в **этом пункте** не должно быть ни у кого неясности или сомнений. А то выходит так, что сам про себя человек знает, что „спасен"—и воображает, что больше уже ничего от него не требуется теперь, в наше время, когда так много есть проповедников и книг, разбирающих всесторонне вопросы о спасении и о Царстве Божием... Им и в голову не приходит, что они **должны помогать другим** притти к Богу, что Дух Святой хочет действовать и через них, как через каждого из нас.

Ведь мы же **знаем**, что, как бы мы ни были слабы—Господь может воспользоваться нами, как орудием Своим; что Он через нас может излить обильные источники благодати...

Иоанн Креститель умер,—но он успел привести Андрея ко Христу; а Андрей привел Петра... И так текла эта река дальше, и распространялась благая весть...

Я понимаю, что **точных** указаний, как надо обращаться с ищущими Бога—дать нельзя. Ведь все люди разные! Что надо сказать одному—совершенно не подходит для другого. То, что тронет одного—может совершенно не коснуться души другого. Каждый человек—особый мир... Вспомним, какими различными способами Господь Иисус Христос подходил к людям: с самарянкой говорил Он иначе, чем с Никодимом, и т. д.

Большая ошибка—рассказывать „ищущему" о **своем собственном духовном опыте**. Опыт этот имеет большую цену, но я не думаю, чтобы им надо было пользоваться, когда мы имеем дело с ищущими Господа. Человек, с которым вы говорите, прежде всего, может быть, будет расспрашивать вас о вашем собственном опыте. Но ему нужен **не ваш** опыт, а **его** собственный.

Предположим, что Вартимей, которого Христос исцелил от слепоты, стал бы спрашивать слепорожденного в Иерусалиме,—которому также Христос возвратил зрение—как именно он прозрел? И когда слепорожденный рассказал бы ему, что Иисус помазал ему глаза „брением"—Вартимей мог бы не поверить: ведь **ему** Христос совершенно иначе „открыл очи"; а помазать „брением" глаза—этим скорее можно было бы ослепить человека, чем исцелить!..

Оба были слепы—но не одинаково исцелены.

Нельзя основываться на чужом опыте. Многие лишают себя Царствия Божия потому, что слушают рассказы других о том, как они пришли ко Христу—а не идут сами, своим путем, тем путем, который подходит **лично** им.

Из того, что одному человеку толчком к обращению послужило то или иное место в Библии—не значит, что именно это место послужит к обращению и других.

Затем, надо еще иметь в виду: следует говорить **только с одним человеком зараз**. Именно потому, что совет, который можно дать одному, не годится другому.

Подводя итог всему вышесказанному, приходим к заключению, что всякому „работнику над душами" необходимо:

во-первых—уметь **разбираться** в человеческой природе,
во-вторых—**любить** людей,
в третьих—**знать** Библию,
в четвертых—**молиться**.

Духовой оркестр при Ленинградской Общине Евангельских Христиан. Оркестр обслуживает районы общины и принимает участие в торжественных собраниях. Наше пожелание, чтобы все общины стремились к организации духовых и струнных оркестров. *Ред. ком.*

* * *

Во имя Господа Христа благодаренье
Прими от нас, безмерно-любящий Отец!
Во славу Сына Твоего, и грешным во спасенье —
Мы на инструментах хотим играть и петь.

К Тебе возносим мы свои моленья:
О, Господи! на наши первые шаги
Излей Твое благословенье,
И Сам нам в этом помоги!

О, дай, чтоб нашей музыки аккорды
Могли сердца людские открывать,
Чтоб люди все, которые так горды,
Могли в смирении Тебя познать!

Н. Юганова.

Хор Оренбургской Общины Евангельских Христиан.

Маньковская община Ев. Хр. (Черниговской губ.).